

Изгнанные в облака
Рустем Омаров

18+

Рустем Омаров
Изгнанные в облака

«Автор»

2020

Омаров Р.

Изгнанные в облака / Р. Омаров — «Автор», 2020

Мир атакуют неуязвимые монстры. Немногочисленная люди выживают в горах, пустынях, скрываются в руинах разрушенных городов. Безопасно можно передвигаться можно только на летательных аппаратах. Молодому парню придется выживать, взрослеть, влюбляться в мире, где жизнь стоит дешевле грамма топлива гравитолета.

© Омаров Р., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рустем Омаров

Изгнанные в облака

Глава 1

Вот уже неделю я пробираюсь по пустоши. Если вы увидели бы меня, то задались бы вопросом, куда идет этот подросток с чубчиком, узким лицом и изможденным прищуром, в черных роговых очках, густыми бровями, трико с отвисшими коленями и огромным рюкзаком по пустоши? В общем-то, миловидным, но не лишенным пары прыщей.

Меня спасает от голода обычная речушка, где я ловлю рыбу. Воды ее текут в обрамлении кустарниковых плесов, резких обрывов и зарослей камыша. Все это время я двигался вдоль ее берегов. И лишь увидев гору, которая возвышалась в некотором отдалении от берега, я впервые покинул дышащие свежестью берега и направился к ней. Разумеется, я прежде отдал должное возмущенному кишечнику в тени камышей.

Огромная гора. Она возвышалась надо мной как перст судьбы, занимая полнеба.

Птицы летали вокруг гранитного массива, словно чайки вокруг рифа. Они ныряли в пожелтевшие кусты и исчезали. Базальтовые лепестки казалось, ловили теплый ветер. Роза пустоши.

В воздухе пахло сырой землей, пригретой солнцем. Аромат дальних пожарищ заполнял внутреннюю пустоту. Сердце замирало с каждым вздохом, словно чувствуя подвох. День ласкал меня едва теплым ветерком, игрался с моей прической, сдувал пот со лба, забирался куда-то под щиколотки. Самый неподходящий день, чтобы умереть.

Мои ноги периодически проваливались в какие-то черные норы, и всякий раз я инстинктивно вздрагивал, представляя себе тварь, которая смотрит на меня на дне.

Я обречен. Эта мысль вдруг сконцентрировалась у висков, и затуманила гору, превратив ее в мутную сливово-серую массу.

Если бы не моя трусость, мои родители были бы живы. Я сжал кулаки до побеления костяшек и в сердцах пнул засохший куст.

Природа мудро обошлась с зайцами. Когда их хватает хищник, они умирают раньше, чем их тело начинают раздирать клыки и когти. Они умирают от инфаркта. Человеку бы сейчас эта способность пригодились.

Меньше всего на свете я хотел бы умереть, в качестве гамбургера для уродца размером с двухэтажный дом.

Вздыхнув, я полез на гору. Не добравшись и до четверти горы, мои колени задрожали. Я понял, что силы на исходе.

Я присел, чтобы отдохнуть. С высоты пустошь казалась сплошным зеленым ковром. Лишь струилась змейка реки и плес, где я забросил свои удочки. Я тяжело дышал и разглядывал разноцветные камни под моими ногами. Рисунки на их поверхности напоминали какую-то неведомую карту.

Очнувшись от транса, я огляделся. Дорога начиналась откуда-то из-за горизонта и обвивала эту гору.

Я встал и полез наверх.

Вся пустошь лежала как на ладони. Вдалеке белело какое-то селение. То, что я увидел следом, заставило меня протереть глаза. Я открыл глаза пошире и убедился, что это не мираж. Это виновник краха человеческой цивилизации. Одно из тех существ, что погубили моих родителей.

Со стороны сила в сторону горы шел...ропт.

С высоты горы он казался игрушечным. Оживший оловянный солдатик. Антропоморфное чудовище, возникшее в один прекрасный день и превратившее человеческий род в блюда для шведского стола. Он шел точно по дороге. Я оглянулся назад. По пустоши ехала темная машина. Прямо на randevу с чудовищем.

Надо все взвесить. Я всегда все взвешивал, прежде чем что-то сделать. Иногда мыслительным процессом все заканчивалось.

Грудная клетка завывала от спертого воздуха. И заскользил вниз. Вслед за мной посыпались камни. Немного спустившись с верхушки, я начал махать руками. О том, чтобы спуститься ниже не было и речи. Умирать, ради того, кто беззаботно ехал в машине я не собирался. Ропт вполне мог обойти гору и оказаться прямо перед моим носом.

Впрочем, синий джип даже не думал останавливаться. Он пронесся в облаке пыли, даже не сбавляя скорости. Я побежал вдоль верхушки горы и припал к земле.

Машина остановилась прямо перед роптом. Наступила поистине театральная пауза. Чудовище постояло некоторое время в задумчивости, а затем в пару прыжков настигло джип, пытавшийся развернуться. Ропт одним ударом руки смял капот. А потом оторвал крышу. Все это он проделал быстро. Вероятно, он уже делал это много раз. Так, наверное, вскрывает консервы с осьминогами, какой-нибудь турист на привале.

Он ловко извлек одного пассажира. Безумный крик оглушил долину. И этот крик сгустил пространство в одну точку. Этот крик раздавался до тех пор, пока челюсти монстра не сомкнулись на его спине. А потом человек заглох, и тело его обмякло, и ноги его повисли как тряпичная кукла. Пассажир, тем временем выбежав из машины, побежал прочь с криком. Серая куртка лопалась на нем – лысом толстяке. Оборачиваясь, он отстреливался из автомата. По телу ропта пробежали искры. Однако чудовище даже не соизволил двинуться с места, пока не прожевал свою добычу. А затем очень легко настиг убегающего.

Стрелять бесполезно. С момента как ропты появились, человечество перепробовало все возможные способы их умертвить: гранатометы, мины, нейтронные бомбы и даже ядерное оружие. Когда чудовищный гриб осел, люди увидели, что ропты даже не обгорели...

Спотыкаясь, я побежал в сторону базальтовой розы. Между двумя лепестками скал притаилась тесная расщелина. Вход в нее украшало граффити с признаниями в любви.

Расщелина оказалось достаточно глубокой и широкой, чтобы я мог протиснуться между створок и спуститься вниз, где лаз немного расширился. Там на глубине я притаился во мраке.

Через некоторое время в голову мне пришла мысль, что неплохо бы вылезти и посмотреть в какую сторону направился ропт. Впрочем, когда я дернулся вверх, то понял, что... не в силах покинуть нору. Чудовище вполне могло залезть на гору после трапезы. По той же причине, что и я. Сверху лучше видно.

Я, стараясь не дышать, смотрел на край расщелины, как замороженный. Каждый раз, когда я продвигался к своей цели, сердце начинало биться так сильно, что я останавливался. Я, замер, задыхаясь. В какой-то момент я понял, что обессилен. Руки мои ослабли настолько, что я поднимал их с трудом. А дыхание вырывалось из легких как из кузнечного горна.

Снаружи раздался шум. Как будто, кто-то сбрасывал камни с вершины горы. Я полез обратно вглубь расщелины.

Уголок неба затмила голову ропта. Отвратительная серая масса, покрытая темными буграми.

Я чувствовал тяжесть, с которой он наступал землю, потроша даже мелкие камни.

Смерть смотрела на меня. Чудовищная боль.

Ропт без глаз. Лишь черные щели на сером обезображенном лице. Я лежал на холодной земле. И словно стал этой землей.

Чудовище по-прежнему стояло и смотрело в расщелину.

А потом чудовище просунуло свою руку. Небо исчезло. Пещера погрузилась в мрак. Я с силой вдавился в землю.

Рука ропта остановилось недалеко от меня. Темные, серые, узловатые, покрытые пирамидами, бороздами и выпуклостями пальцы, каждый размером с тюленя погладили стенки. Рука тянулась все ближе и ближе.

Драться. Только драться. Я сжал кулаки.

В это время лапы ропта отпрянули назад.

Я лежал на дне, подавленный и разбитый. Дыхание клубилось в дымке пыли. Звездопад в одиноком солнечном луче. А потом время сгустилось в одну точку. Может, я уже мертв.

Я проснулся оттого, что по мне поползла сколопендра. Я с отвращением отбросил насекомое.

Я, пошатываясь, встал и пополз вверх. Чудовище не видело меня. И у него не было причин торчать здесь до вечера. Впрочем, выйти на поверхность оказалось нелегко. Словно невидимый барьер остановил меня.

Отдышавшись, я высунул голову и огляделся. Где-то вдалеке заливались птицы, и сходил с ума сверчок. Чувствуя боль во всем теле, я выполз наружу. Я возвышался над пустошью. В той стороне, где погибли мои родители, алел кровавый закат.

Очки. Они лежали внизу перед входом в расщелину. И они превратились в прах.

Я пощупал брюки. Так и есть – предательская влага. Когда рука монстра тянулась ко мне, я малость перепугался.

Глава 2

– Бум Чпок к доске, – учитель уставился на меня, не мигая. Голубые его глаза мерцали неоновой синевой. Белые прилизанные волосы лежали волосок к волоску.

Он сидел на стуле и почти не мигал. На белом фоне позади учителя всплыли рисунки из каких-то деклараций. Доска реагировала на слова и начинала к каждому слову, произнесенному в кабинете подбирать иллюстрации.

– Итак, сегодня вы должны были выучить апокрифы великого правителя Эрманна Дакоте, начиная со второго параграфа.

Я встал и набрал в рот воздух, и понял, что не могу вспомнить ни единого слова из этого трухлявого параграфа. Сейчас он мне казался набором бессмысленных слов.

– Да ну брось его, – сзади раздался голос Антара – одноклассника. Он держал в руки карты и сейчас был его ход. Он морщил лоб.

– Итак, что вы можете мне ответить ученик Бум, – раздался голос учителя. Он поправил ниспадающую челку. – Ученик Антар, пожалуйста, прекратите заниматься посторонними делами.

Сзади раздалось ругательства и крики. Антар проиграл раздачу. Толстый Санбо подвинул себе фишки.

– Это все из-за тебя кикимора, – прокричал Антар. Он встал и двинулся в сторону учителя. Я оказался на его пути. Стальные пальцы, обхватив меня за шиворот, я полетел оземь.

– Ты тупой призрак из-за тебя я продул раздачу, – заорал Антар учителю в ухо.

– Ученик Антар Кушен. Когда ты окончишь школу, то, скорее всего, отправишься в какую-нибудь вонючую дыру, сгинешь вместе в трущобах, где тебя съедят на завтрак и даже не поперхнуться по-настоящему крутые ребята. Антар ты считаешь себя заправилой. Но завтра, я обещаю, ты будешь, жрать дерьмо и просить добавки, где-нибудь на болотах...

Антар махнул рукой, которая прошла сквозь учителя. Голос начал воспроизводиться с помехами. Голосовые сенсоры считывали речь с движения губ. Антар плюнул в голограмму и направился обратно. Проходя мимо меня, он сделал движение, словно собирается меня ударить. Я непроизвольно дернулся. Класс засмеялся.

Во все расставленные удилища попались рыбы. Я даже задумался над тем, не отпустить ли мне лишнюю еду обратно в воду. Впрочем, тут же голод погасил во мне зачатки гуманизма.

Следующий вопрос. Я должен решить, что делать с костром. Пламя могло привлечь внимание монстров. Но если не разожгу костер, то могу умереть от описторхоза. Речная рыба полна заразы. Нет, конечно же, я не разожгу костер.

Я вздохнул и с сожалением посмотрел на сырую рыбу. Кушать хотелось так, возникли мысли сожрать ее целиком. Я нащупал в кармане зажигалку и огляделся. Вроде бы с высоты горы тварь видно. Я огляделся и принялся. Над багровым небом стоял дым. Где-то далеко горели пожары. Можно зажечь костер – дым будет незаметен. Но я спрятал зажигалку обратно в карман и впился зубами в сырую плоть.

Я решил искупаться. Вода в реке напоминало зеркало. В воздухе повис запах прелой земли. В последнее время, я очень часто засыпал в страхе. После того, что я пережил, сегодня, возможно, буду спать крепче.

Навстречу мне выбежал навозный жук. У него такие же проблемы, что и у меня. Мы оба можем погибнуть каждую минуту.

Я достал из рюкзака смартфон, чтобы посмотреть на фотографии моих родителей. Гаджет не включился. Зарядка, которую я берег, закончилось. Я с сожалением уставился на черный экран.

А за спиной вдруг послышался шорох. Столь явственный, что я сразу понял, это не тот шорох, что чудится трусливому человеку, вынужденному ночевать в дикой местности одному. Это реальный шорох. Я оглянулся.

Кустарниковый лес трепыхал. В сумерках лес превратился в средоточие мрака. Не может ропт быть таким скромным. Скорее всего, мною бы уже закусили. Это животное. Вот только что за животное?

– Эй, кто там, – я крикнул в темноту. – Выходи...

Я встал, и только сейчас понял, что нога у меня болит. Я тут же упал, корчась от боли.

В голову пришла мысль, что это все-таки ропт. Я распахнул глаза, силясь разглядеть врага.

И тут же источник шума активизировался. Я понял, что из темноты кто-то идет. Сначала появилась тень – длинная зловещая, а потом обрисовался силуэт. Так и есть – девушка. Волосы, перехваченные на затылке, белое узкое лицо и большие миндалевидные карие глаза. Тонкий нос чуть с горбинкой. Тяжеловатый подбородок придавал ее образу немного агрессии. Скулы ее поддурмянены ожогами. Линия темных бровей сгрудилась в озабоченную складку. Серый тренировочный костюм с капюшоном облегал стройную фигуру. Понравилась ли она мне с первого взгляда. Пожалуй, и, да и нет. Вот уже четыре года моим идеалом женской красоты был электронный календарь с полуобнаженными красотками с выдающимися формами. Сотня красоток самых разных расцветок. Вряд ли девушка, которая возникла из леса, могла бы составить им конкуренцию. А все из-за того, что глаза ее немного косили. Пожалуй, это придавало ей глуповатый вид. Впрочем, немного общения и эти глаза уже поражали своей наивностью и силой.

Она приблизилась ко мне, держа в руках камень. В глазах у нее застыли слезы.

– С тобой все в порядке? – вскочил я, забыв про боль. И все же это была девушка, настоящая девушка с огромными ресницами, бросающими тень на горящие глаза. Мультяшка смотрела на меня и на ее лбу собрались морщинки. Она поднесла к лицу тонкое белое запястье и вытерла пот со лба.

Внутри что-то оборвалось, заклокотало. Я попробовал, что-то сказать, но воздуха не хватило. Я беспомощно открыл рот. Но звук не получался.

Тут я вспомнил, что я в одних трусах. Застиранные штаны висели на кусте ирги.

– Если ты на меня нападешь, я ударю, – предупредила она. Голос оказался глубокий. Он звучал, словно откуда-то сверху и падал, разбиваясь о землю, тысячами переливов бархатных. Каждый звук с ее уст хотелось щупать и трогать.

– Слушай, ведь это... ты вышла из лесу с камнем, – сказал, я. Это не мой голос. Это голос какого-то пропитого бездомного.

Девушка мрачно смотрела, пока я одевал еще влажные, но чистые штаны. Я не мог попасть в штанину, и наконец, раздался треск. Брюки разошлись по шву. Я не подал виду и водрузил остатки материи на зад. После чего я взглянул на нее. Пожалуй, если она убежит, то преследовать ее не стану.

– Присаживайся, – сказал я. – Откуда ты?

Мультяшка молчала. Она не собиралась садиться. Кузнечик задавал жару, словно пытался пустить романтический музыкальный фон. Тогда я опустился вниз и присел. Затем взглянул на нее искоса. Нет, определенно в ней что-то есть. Что-то страшное.

– Я думал в кустах ропт, – продолжил я. – Сегодня меня, итак, чуть не сожрали.

– Ропт? – спросила она и осторожно, оглянувшись по сторонам.

– Здесь их нет, – я почесал ухо.

– Я видела, как один ушел на юг со стороны горы.

– Я тоже его видел.

Девушка опустила руку с камнем и взглянула вдаль. Она сложила губы гармошкой.

– А вдруг он вернется?

– Ну, что же, – я драматично вскинул руки и улыбнулся. – Тогда нам не повезет.

Девушка смотрела на меня словно на редкий музейный экземпляр. Глаза ее сверкали огоньком жизни. Моя нервозность вдруг куда-то сошла и на место запуганной травоядной твари начал приходить умудренный жизнью следопыт и хищник.

– Угощайся, – я протянул окунька.

Мультишка улыбнулась, сквозь слезу. Тонкие бледные губы растянулись с хитринкой.

– Спасибо, – осторожно протянув руку, она взяла рыбу. – Ой, она сырая.

Девушка аккуратно присела на корточки, очертив изгибы своих бедер.

– Я как раз собирался разжечь костер, – сказал я извиняющимся тоном. Когда я встал, чтобы собрать ветки, то заметил, что девушка старается на меня не смотреть и закусывает нервно губу.

– Извини, что я так себя вела.

– Ничего страшного, – впервые я почувствовал свой вальяжный голос – Как тебя зовут?

– Яика Дедзети.

Рыбу она все еще держала так, словно собиралась выбросить.

– Ух ты, – восклицание вырвалось у меня само собой. – Крутое имя.

– А тебя? – она спросила уже нежно.

Впрочем, сам вопрос застал меня врасплох.

У меня самое глупое имя из всех возможных на Земле. Конечно, компьютерное имя наречение позволило унифицировать имена на планете, сделать их уникальными. Но все же, ты не сможешь ни возненавидеть мировой диктат, если тебя зовут Бум Чпок. Мои родители относились к моим возмущениям по-философски. Ну, еще бы. Моего отца звали Корнелиус Шант. А мою маму звали Понтозия Аля. Красивые имена.

– Меня зовут Чпок. Бум Чпок, – сказал я, громко выдохнув.

– Да уж, не повезло тебе с именем, – хихикнула девушка.

– У нас в классе был парень по имени Хрен, а у его родителей не было денег на новую процедуру имя наречения. Вот это я понимаю – трагедия.

– О, ты собираешься разжечь костер. А разве дым не увидит ропт?

– Никакой атропос не может меня лишиться ужина, – сказал я, щелкая зажигалкой. – Какая разница сколько прожить. Жизнь всего лишь короткое недоразумение.

– А, по-моему, ты испугался, когда я вышла, – девушка поправила локон. Я взял у нее сырую рыбу, которая она с облегчением мне передала, проткнул веткой и положил на костер.

. Слезы на ее глазах высохли. Она смотрела на меня так печально и с такой тоской, что я шумно выдохнул. Костер разгорался все сильнее, но подбрасывать дров я не стал. Разум подсказал, что я, итак, сделал сегодня немало безумных поступков.

– Откуда ты... ммм... Яика?

– Зети. Называй меня Зети. Я из селения неподалеку.

– Я видел его с горы.

– Да я оттуда.

Ночь сгустила воздух до состояния, когда темноту и пряные запахи трав хотелось щупать. Где-то глубоко в груди. Я разглядывал Зети, которая отводила взгляд и задумчиво суживала глаза.

– Ропт напал на ваше селение?

– Их было несколько, – она закрыла глаза, и слезы размером с жемчужину покатались между пальцев. – Бедный Элоик.

– Кто такой Элоик?

– Мой братишка, – голос ее звучал утробно. Она ничего вокруг не видела.

А потом она бессильно ладонью ударила по песку. Я не стал спрашивать подробности. Она все рассказала.

Зети жила в селении, которое после вторжения ...расцвело. Оно пополнилось беженцами из городов. В селении провозгласили автономную власть. И сформировали стратегический запас продовольствия. Все селяне должны были участвовать в силах самообороны или добывать продовольствие. Зети вызвалась учить детей год назад. Хотя сама не успела окончить школу.

Это произошло вчера вечером. Зети рисовала на графическом планшете рисунок для класса. Она работала учительницей на добровольных началах. Уроки проходили в здании местной администрации. До вторжения здания школа в селении отсутствовала.

Уроки уже давно кончились. Луч солнца падал на ее черную прядь. Он обжигал щеку, но Зети не подавала виду. Вдруг рука ее дернулась. Получилась смазанная деталь.

Она повернулась и увидела ропта. Он шел мимо нее. Голова вровень со вторым этажом. Окна вместе со штукатуркой разбились вдребезги и посыпались внутрь. Ропт задел здание плечом.

Зети завизжала и бросилась прочь из кабинета. Она бежала по пустым коридорам, и звук эха усиливался в ее голове.

Она выбежала на улицу, и запахи гари ударили в нос. Три тени удалялись от школы. Великаны накрывали тенью целые дома. Она видела, как солнечные лучи гаснут, едва прикоснувшись с их узлистым телом.

Надо бежать. И она побежала. Вперед через разрушенные ворота. А потом через парк. Она неслась по каменистой тропинке, пока не увидела, как за деревьями вдруг пропал свет. Ропт пытался пройти через парк. Ветви хрустели и стонали.

Зети попятилась назад. Это ее и спасло. Дерево упало на нее – что-то больно хлестнуло по лицу, словно кнутом. Девушка словно провалилась в какое-то другое измерение, где существует только боль.

Она очнулась от криков. Это были крики беспросветной боли где-то вдали. Она вздрогнула и сразу поняла, что погребена под массой тонких ветвей.

Она выползла из-под ветвей. Роптов не было. Солнце догорало в закате. И тогда она побежала в сторону своего дома. Вокруг лежали сваленные крыши, разбитые стекла, где-то тянуло дымом. Периодически раздавались крики, от которых стыла кровь в жилах, из-под обломков пытались вылезти люди.

Ей навстречу рядом с ее домом вышел старик – невысокий с красным пропитым лицом. Плохо одет, а руки покрыты кровью. Он был из числа беженцев. И жил в огороде у кого-то из сердобольных жителей.

– Вы видели моих родителей, моего братишку Элоика? – крикнула Зети.

Лицо старика скорчила гримаса. Он протянул к ней окровавленную руку.

– Да, – обрадовался он. – Их съели.

Взгляд его обезумел, а потом он потянул девушку за руку. Хватка у него оказалась железная. Девушка взвизгнув, рванулась, а потом побежала прочь в сумерки.

– А что хотел сосед от тебя?

Спросив это, я вдруг почувствовал себя глупо.

Зети промолчала.

– Он всегда вел себя немного странно, – наконец подала она голос.

Зети посмотрела на меня, нахмутив лоб. Очевидно, мой вопрос ее насторожил.

– Со мной ты в безопасности. Видишь, я в штанах.

Девушка отвернулась и сжала губы.

– А я был на рыбалке, когда на наше поселение напали, – я бросил в огонь мелкие щепки. – С нами было еще четыре семьи. Мы жили в домах на колесах на берегу реки. Мой отец работал гармонистом в оркестре, а мама играла на арфе. А потом после вторжения отец объединился с двумя своими знакомыми коллегами, и мы покинули город. Жили в домах на колесах. Жили весело. Ловили рыбу, разводили птиц.

Я подбросил веток в огонь;

– Неужели вы не знали, что ропты приближаются?

– Нет, – Зети погрузилась. – Наше селение находится в окружении возвышенностей. Я привыкла к жизни в селе. Четыре года пролетели как один день. Казалось все так и будет – дежурства, маленький тесный мирок – знакомые лица. И я уже перестала бояться. А до вторжения я блетела весь мир. Мой отец был богат – ему принадлежат все земли вокруг. Я была даже в Бабуле и Лютеции

Я, испытующе посмотрел на нее.

– Ты первая девушка, которую я вижу за четыре года.

– И как? – Зети смущенно улыбнулась.

– Ты красивая.

– Я, – взгляд Зети смягчился. – Нет что ты, вот моя мама действительно красивая. Я совсем нет. У меня странный нос.

Я взглянул на ее нос и нашел его великолепным.

–Что ты нос у тебя отличный – заверил я. Интересно получится ли у меня уехать далеко на одних ссанных комплиментах.

Девушка улыбнулась и отвернулась.

– Мне надо вернуться в селение.

– Я помогу тебе, – я глубоко вздохнул. В голосе запорхали бархатистые нотки. Ландыши и фиалки взорвались салютом и начали щекотать мои ноздри. Очевидно, этот аромат исходит от моей гостью.

Девушка кивнула.

Хруст ветвей раздался внезапно. Мы вскрикнули с девушкой одновременно. Я заорал громче.

– Стой, что это, – остановила меня Зети. Из ветвей выскочил заяц, он промчался мимо костра, так словно нас здесь и не было. За ним, обезумев, мчались две собаки. Они также промчались, даже не взглянув на нас.

Некоторое время мы сидели молча. Зети надула губы и посмотрела.

– М-да, – изрекла она.

А потом вдруг нахмурилась.

– Мне страшно домой возвращаться.

Покрасневший я начал кидать веток в костер.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– 18

– Вы так юны мой милый друг. Я намного старше и опытнее – мне 19.

– Ты попала в мир, где возраст ничего не решает, – холодно заметил я. – Я уже неделю выживаю с достоинством в этом диком мире.

– Да, – Зети кисло улыбнулась.

Я понял, что она вспоминает инцидент с зайцами.

– Зайцы, – сказал я, – В последнее время шалят.

Зети задумалась.

– А где ты училась?

– В Трапатоне в обычной школе, – признался я. – Тяжелые условия. Наш класс совсем не слушался учителей, драки, наркотики, всего этого было валом.

– Я тоже училась Трапатоне в частной школе. У нас такого не было.

– Я состоял в школьной банде.

– О!

– Да это тяжело, драки, разборки, – я покривился. – Чудное время.

Я смотрел на Зети, а ее ясный взгляд говорил, что я попал в точку. Ей нравятся плохие парни.

– Я проезжала мимо школы, там, на перекрестке стояли члены школьных банд. Они все были в голографических тату. Они свистели нам вслед, показывали неприличные жесты, – заметила она. – Наверное, и у тебя есть тату.

– Я должен был пройти испытание, – замялся я.

Зети опустила взгляд.

– Да конечно.

– Нам нужно поспать хотя бы пару часов, – заметил я холодно. – Если мы собираемся в твоё селение.

– Я спала там, – Зети указала в чашу. – Там теплее.

– Пойдем?

– Я пойду одна.

– Одна?! Тебе не страшно.

Она покачала головой.

– Ну, я мог тебя провести.

– Ладно, но я возьму этот тюфяк, – сказала девушка и подобрала оный.

Осторожно ступая по тропе, я шел за девушкой, рассуждая о том, не обнять ли мне ее. Однако кустарники возражали, награждая меня легкими отрезвляющими шлепками. Мы дошли до глиняного холма. Нежный песок уже охладел. Ветер издавал стоны в верхушках веток. Вьюрок задавал трель в тональности задорного танца.

Девушка расстелила тюфяк на песчаном холме под сенью огромной ирги.

– Вы свободны, – сказала она с холодом и скривила губу.

– Да конечно, – я шел и, оглядываясь, чувствовал эту искривленную улыбку. Интересно как далеко мне нужно уходить. Я вышел за кусты и потерял ее из виду. Под ногами ковер из плотных трав. Я утрамбовал их. А потом лег, постелив под голову рюкзак.

Впрочем, заснуть я не смог. Я встал и начал выглядывать в просветы трав не промелькнет ли тень девушки. Убедившись, что ее не видно, я лег и уставился на звезды.

– Какие красивые звезды, – раздался голос Зети. – Неужели в таком большом космосе не нашлось другого места для этих существ. Иногда мне кажется, что жестокость всегда будет править в этом мире.

– Угу, – промычал я. – А ты шибко умная, я смотрю.

Я начал думать, что мое замечание могло произвести неправильное впечатление.

– Вообще-то происхождение этих антропоидов вызывало споры, – начал было я, но меня прервал шелест травы.

Я оглянулся. Девушка стояла, положила руки на бок.

– Там какой-то шум, Чпок посмотри.

Я нехотя встал и пошел за ней.

– Вот, – показала девушка. Тьма рисовала ажурные тени и сводила желудок в орнаментальные позы. Однако из глубин дерева действительно раздавался какой-то скрип.

– Наверное, крот, – предположил я и, развернувшись, пошел к себе. – Ничего страшного.

– Чпок. Сделай что-нибудь.

– Я не сунусь туда, даже не мечтай, – я вернулся и зашагал к своему лежищу, чтобы снова лицезреть Млечный путь.

– Чпок, – раздался голос Зети – Мне страшно.

– Как тебе может быть страшно каких-то букашек, если тебя чуть не сожрало чудовище? – воскликнул я, раздраженно.

За травами раздалось какое-то шевеление. А потом до меня начали доходить запахи фиалок. Зети легла рядом в траве. Я привстал, чтобы попытаться ее разглядеть.

– Бум, ой извиняюсь, Чпок.

– Да.

– Ты разговаривай со мной, а то что-то страшно.

– Конечно, – я прилег. – Судя по всему это довольно примитивные отродья, – подал я голос. – Со мной тебе нечего бояться. Я приму бой. Так просто этой твари меня не одолеть.

Я размял шею и немного привстал, чтобы увидеть, как луна заливала ее личико серебром. Волосы бросали на нее тень.

Девушка молчала, и я лег обратно, но чуть-чуть придвинулся к ней. Теперь я чувствовал спиной кусок тюфяка.

– Я всегда думала, каким будет нападение, – сказала Зети. – Внутренне готовилась. Иногда беда ходит вокруг и с каждым днем приближается к тебе все ближе и ближе. А ты, делаешь вид, что все в порядке и погрязает в рутине. А ведь всего-навсего надо смаковать каждую минуту с родными.

– Так рассуждают только овцы в загоне, – горячо возразил я. – Я обязательно приму бой с этой тварью. В этом мире нет человека, что мог бы меня поколебать. Но и ропту я не собираюсь делать исключение.

Мы затихли от силы собственных слов. И прислушались к пиликающему сверчку.

– Элоик тоже готовился к бою с ней. Он где-то раздобыл меч и уверял, что отрубит голову этим тварям... – девушка погрузилась в рыдания. – Элоик. Мой маленький, несчастный брат, где ты?

Воцарилась тишина, которую прерывалось лишь всхлипывания девушки.

– Не переживай, может быть он выжил, – сказал я. – И потом я слышал, что детей они не трогают.

– У меня была бабушка, она умерла незадолго до нападения на наше селение, – теперь голос девушки звучал ярко и сильно. – Она была очень сильная женщина. Знала жаргоны. Любила употребить крепкое словцо и выпить. Она мне сказала, что если ропты придут, она вырвет им язык. Сейчас я думаю, что она так и поступила бы. Она ни за что не стала бы бежать.

– Мне показалось, что ты сильная девушка, – прохрипел я. – Просто быть сильным или безумным – это разные вещи.

Мрак в моем голосе мог оценить только исполнительного тяжелого рока. Я сдвинул к земле травы, чтобы увидеть девушку.

– Вчера ночью я хотела плакать, а вместо этого смотрела на Луну и удивлялась какая она красивая, – прошептала она. – А сегодня днем я все выплакала.

Теперь я уже совсем рядом. Где-то вдалеке бомбила барабанная дробь. Я судорожно сглотнул и наклонился над ней.

– Ой, что ты делаешь? – воскликнула она.

Застигнутый врасплох, я покачал головой и сделал вид, что разминаю голову. А потом прилег снова. Мы замолчали.

– В школе я вела свой сайт о рыцарских орденах, – Зети подняла руку и начала водить ею по небу. – Рыцари были помешаны на чести и смелости. Этим они меня и покорили. Один раз виконт Лукас де Фукар вышел один против целого войска, окружившего его войска. Предатель отравил его воинов. Враги отказались его убивать. Они предложили ему уйти и забрать

с собой трех человек. Он отказался. Тогда они предложили стать местным наместником, он вновь отказался. И тогда они ушли, чтобы не увековечивать его славу в веках.

– Пожалуй, я не далеко ушел от твоего виконта, – усмехнулся я.

Какая-то птичка, подлетев, притаилась в ветвях над нами. А заодно выпустила пару трелей. Я понял, что капитулировал. Девушка скрылась за поднявшимися травами.

– Ты знаешь, – продолжила она, – У меня есть один талант. Я никому его не говорю. У меня феноменальное зрение.

– Ничего себе. Ты видишь в темноте.

– Не совсем, но очень далеко. Иногда конечно зрение оказывает мне медвежью услугу. В детстве я постоянно смотрела на Луну. Мне казалось, что я вижу человечков и они по ней ходят. Я всегда с ними здоровалась.

– А я очень быстро бегаю, – я почесал затылок. – Когда все это началось четыре года назад, то отец начал меня тренировать. Мы бегали с ним наперегонки каждое утро, когда переходили в пустошь. В общем, я быстро прогрессирувал. И в нашей коммуне никто не мог меня обогнать.

Мы замолчали, слушая пиликанья цикад.

– Неделю назад одна тварь напала на нас, я был в это время на рыбалке, – я вздохнул. – Я увидел одного из них со стороны реки. В это время рыбачил. Побежал в обход, чтобы предупредить. Но не успел. Там было очень...очень скользко...Я прибежал, когда эта тварь уже потрошила наш дом.

Я замолчал тяжело дыша. Я умолчал девушке, что, не выдержав побежал назад, пятясь, спотыкаясь и глотая слезы. И в кустах и грязи у реки я просидел до вечера. И лишь с наступлением следующего дня решался прийти на остатки пепелища. Только к вечеру, сидя на коленях у разрушенного дома я понял, что не выжил никто кроме меня.

– Зети, – сказал я и, дождавшись ее отклика продолжил. – Если... ты не найдешь своих родителей, ты пойдешь со мной? Так и быть я готов тебя взять.

Девушка затихла, а потом тихо прошептала.

– Куда?

– На юг, куда-нибудь, где роптов нет. Ты знаешь, что на юге в Атласных горах люди построили пещерные города. Там безопасно.

Девушка молчала, а потом сказала.

– Нет, только не обижайся, я должна найти родителей.

Я громко выдохнул уязвленный отказом. Холодный блеск Луны перестал греть душу.

Глава 3

Мы с отцом на рыбалке. Сидели на краю обрыва, разглядывая мелкую рябь. Рядом в ведре плескалось рыба.

– Ты стал хорошим рыболовом, – сказал отец. – Порыбачь до заката.

Он потрепал меня по голове и ушел, тяжело ступая по сырой земле. Автомобиль с грохотом завелся и унесся в горизонт.

Я прилег и уставился на небо, гнавшее облака очень быстро, словно в ускоренных кадрах. Они рвались, скрючивались и клубились, исчезая за моей челкой. Я постепенно, наблюдая за ними уснул. Проснулся, когда раздалось карканье ворон. Они неслись надо мной, словно собирались финишировать какой-то адский марафон. Я поднял голову и обернулся.

Далеко в пустоши в сторону моего дома шел ропт. Весь пепельно-серый и покрыт пупырышками: круглыми, ромбовидными и где-то даже заостренными.

Надо все взвесить. Может побежать поперек него, через пустошь. Я могу успеть. Надо все взвесить. Он может меня увидеть.

Я присел. Сердце моё билось как ненормальное. Ропт шел в сторону моих родных. В сторону моего дома. Я закусил свой рукав.

А потом я побежал вдоль реки. Я спотыкался, падал на неровном берегу, роняя слезы. Кроссовки отяжелели от налипшей грязи.

Когда я добежал до дому, то увидел, что чудовище приближается к нему первым, оставив меня далеко позади. Еще мгновение и вот он, а вот совсем рядом с темным баракком на колесах. Я хотел крикнуть, но из горла вырвался лишь надорванный свист.

Чудовище снесло стены. Я упал на колени. То, что происходило на моих глазах, казалось, происходит не со мной. Словно я вышел из своего тела и сейчас находился в некой условной прострации.

Ропт оглянулся, а я упал на землю, стараясь, чтобы он меня не увидел. В его бездонных глазных щелях отобразилась тьма космоса.

– Проснись.

Я очнулся. Я лежал на земле и держал в объятьях Зети.

– Проснись, – сказала девушка, расширив от ужаса глаза.

Медленно я вернулся в реальность, которая оказалось утром с запахом коровьего навоза и прелой земли. Я взглянул в глаза Зети. Они оказались светло-зелеными. Глаза ее смотрели на меня испуганно.

– Прости, мне снилось... как погибли мои родители, – я сел и вздохнул, протирая глаза. – Каждую ночь снится.

Я замолчал подавленно. Глаза мои наполнились слезами. Зети кивнула, а затем положила ладонь на плечо. А я, осторожно дыша, вдыхал фиалки и лютики.

Указатель вдоль дороги оказался сломан и теперь напоминал вопросительный знак. На нем можно было прочесть название селения – «Дрюнк». Время сгустилось над селением и законсервировало весь ужас и разруху селения.

Лоб Зети покрылся складками. Она держала меня за руку, и все время жалась. И это придавало мне сил. Зети ступала по белесой дороге с утрамбованными цветными камешками. И каждый скрежет камней отзывался в сердце тревожным эхом.

Я вспомнил, что ропт может быть неподалеку. Впрочем, я не собирался просто так умирать. Если чудовище меня схватит я буду драться, кусаться, царапаться, я постараюсь вырвать ему язык, сломать зуб, проклясть в конце концов, будучи раздавленными в его жерновах челюстей.

Дом Зети монстр разрушил. Сейчас от него торчали острия кирпичной кладки. И оконная рама одиноко торчала из разрушенной стены.

Зети подошла, и очертания ее лица приняли совсем страдальческое выражение. Она несмело дернулась и остановилась от окрика.

– Зети, я сначала пойду.

Девушка кивнула. Я опустил свой рюкзак, перепрыгнул обрушенную стену, заглянул внутрь. Пол покрывала кладка. Крыша – смятая, и разжеванная лежала в огороде, прилегавшем сбоку, а рухнувшие плиты перекрытия упирались в пол в одной стороне дома. Маленькая кровать с наваленными туда кирпичами, разорванный надвое диван. Из распахнутого шкафа торчало длинное серебристое платье. Когда я вышел, Зети смотрела на меня с тревогой в глазах. Я кивнул, и девушка скрылась в руинах своего дома. Походив перед домом, я пошел за ней. Она сидела на коленях, держа в руках детскую футболку. Обернувшись, я увидел, что горе обезобразило ее юное лицо. На миг она показалась мне старухой. Вытерев слезы, Зети взяла в руки фломастер и на стене дома написала. «Мама, папа, Элоик, я выжила! Я буду ждать вас у папы в башне». А потом она села перед разрушенной стеной и снова погрузилась в рыдания. Повернувшись, я вышел.

– Можно идти, – раздался вскоре одухотворенный голос из-за спины. Она держала добротный небольшой рюкзак.

Лоб девушки сложился двумя складками.

– Они разрушили мой дом, но моя любовь осталось со мной, – Зети поникла.

В поисках слов, которые подошли бы пилигриму-воителю или виконту я откашлялся, но предательские уста извергли какую-то чепуху.

– Так-то оно так, – я пожал плечами.

Девушка нерешительно вышла на дорогу.

– Нам нужно найти оружие, – сказал я. – Без оружия вообще опасно путешествовать.

Зети посмотрела на меня круглыми глазами.

– Может... у папы на работе. В башне.

Она показала рукой на темное здание. Единственная многоэтажка, возвышающаяся над селением: узкое, длинное и серое. Темные окна мерцали под солнечными бликами.

Где-то скрипела ставня, иногда дорогу перебежали сумасшедшие псы. И тогда моя спутница вздрагивала и прижималась ко мне.

– Спокойнее, все хорошо, – говорил я, хотя чувствовал обратное.

– Постой, – сказала Зети. – Ты слышишь?

Я остановился напряженно, вслушиваясь в пустоту.

– Ничего не слышу.

– А, по-моему, кто-то плачет.

Зети повернула и легко скрылась за покосившимся забором. Я побежал следом. Миновал развалины глиняного дома. На стене висел плакат с полуголой рокершей. Оборванные края трепетали. На полу покосился детский велосипед. Я оглянулся. Тишина.

За обрушенной деревянной оградой торчал огромный дом. Даже разрушенный он выглядел красиво – лимонные кирпичные стены и огромные окна. Его окружал ухоженный садик с гравийной дорожкой

Одна сторона дома отсутствовала. Стена лежала прямо внутри дома. А за разрушенной кладкой... на паркете сидела девочка и плакала. Светлые волосы, затянутые в два пучка. Желтое платье в горошек и белые колготки с красными сандалиями. Она плакала, навзрыд не переставая. У ее ног бесновался маленький щенок: черный с белым ухом. Глаза ярко-голубые мелькали то тут, то там. А нос белый и немного свинячий.

Я смачно выругался. Зети, сбросила на землю рюкзак и подбежала к девочке, перепрыгивая через обломки кирпичей. Присев она развернула ее к себе и взяла плечи.

– Где твои родители? – спросила она.

Девочка молчала и продолжала плакать. Щенок, пытался подпрыгнуть, высунув язык. Девочка молчала. Я содрогнулся от мысли, что, наверное, малышка стала немой.

На меня она взглянула украдкой.

– Где твоя мама? – спросила Зети. Девочка вдруг заморгала глазами и заплакала.

– А папа где? А бабушка? С тобой есть взрослые.

Девочка громко заплакала. Зети молча обняла девочку. Щенок теперь пытался подпрыгнуть на спину девушке.

– Ты давно здесь?

Девочка молчала.

– Где ты спала?

Девочка молча показала на собачью кроватку, которая чудом уцелела после обрушения стены.

– Ты спала с щенком?

– Его зовут Шопик, – наконец-то я услышал ее голос. Немного надрывной. И нежный, точно шепот самой природы.

Зети повернулась и посмотрела на меня.

– Как тебя зовут? – спросил я, присаживаясь рядом.

Девочка что-то сказала. Но я не расслышал.

– Что?

– Баша, – повторила девочка.

– Баша. Милашка, сокровище, – покачала головой Зети. – Не может быть, чтобы тебя звали Баша.

– Может, – сказал я, держа в руках фотографию в рамке. – Здесь написано, что это Баша Фью Мортугале. Какое-то уж больно оригинальное имя ей подобрала программа имянаречения.

– Ты не ходила в детский садик? – поинтересовалась Зети.

– Я собиралась пойти в садик, – объяснила девочка. – Но я уже взрослая и ходила в школу.

– В школу, – изумилась Зети.

– Да у нас дома была школа, и мама была моей "учительницей", – объяснила девочка.

– Так, где твоя мама?

– Мама, – девочка вдруг скорчила страшную рожицу. – Маму забрало чудовище.

Произнеся это, девочка закрыла лицо пухлыми ручками.

– Не плачь детка, все хорошо с твоей мамой, мы ее найдем, – Зети взяла ее за руку.

– Как зовут твою маму?

– Эника.

– Нет, ее маму зовут Эвеника, – я поднял над головой сертификат об окончании курсов диспетчера антропоидов.

Ветер загудел в просветах развалин. Глаза девочки заблестели. Она даже улыбнулась.

– Правда, вы найдете мою маму?

– Конечно солнышко, мы будем ее искать.

– Вы будете искать чудовище, которое ее забрало?

– Обязательно, – кивнула Зети.

– А когда я найду это чудовище, то скажу, – отдай мою маму. И побью ее.

Зети закусила губу.

– Конечно солнышко, ты его побьешь. Обязательно побьешь.

– Подожди, – сказал я. – А вдруг ее родители придут за ней?

Зети посмотрела на меня уничижительно.

– Что ты предлагаешь?

– Мы не можем забрать ребенка, – сказал я.

– Ее родителей уже нет, посмотри здесь все в крови, – Зети вздохнула. -

Давай поищем ее вещи. Дитя настрадалось так, что не исключено, что эта малышка стала сильнее, чем мы.

Наша компания двинулась в сторону башни. Щенок бежал столь проворно, что успевал по дороге чем-то поживиться. Но от нас он не отставал и даже не собирался.

Девочка иногда вырывалась и пыталась поймать бабочек, порхающих около нее.

Я шел, чуть отстав, оглядывая Зети, Башу и щенка. Если ропт появится, то мы обречены. Шансов убежать нет никаких. Мысль об этом заставила меня дышать чаще.

Единственное высокое здание в этом селении, разрази ее тромбон, выглядело как башня какого бесноватого волшебника. Она должно была бы задевать облака, но задевала чувства ворон. Они кружили над зданием, понимая, что именно здесь они выглядят очень аутентично.

У здания с огромной забетонированной территорией я насчитал семь этажей. Всего один ряд окон – как в башне. Не покрашенное строение сохраняло серый бетонный цвет. Такие же мрачные заскорузлые ступени покрывал ореол пыли. Внутри все пахло запахами сырости и пыли. И лишь последний этаж утонул в коврах. Как-никак офисные помещения.

Эпицентром здания оказался кабинет с надписью «Директор». Обстановку украшало кожаное кресло, черный стол, диспенсер, ковер с древними орнаментами и толстый слой пыли. Увы, но оружия в открытом настежь сейфе не оказалось.

Зети накрыла стол. Мы все втроем, включая Шопика, что успел нагадить на ножку стола, сели завтракать. Копченое мясо, сливки, хлеб. Самая вкусная еда за последнюю неделю длиною в жизнь.

После завтрака я подошел к окну, разглядывая деревенский пейзаж с высоты самого высокого здания. Селение, разрушенное до основания. Дома, гаражи и сараи, что смещались в одну кучу из бетона, рваных углов, пыли и перевернутых диванов. Все это посыпано тонкой паприкой крови. Рецепт разрухи.

– Так сейчас выглядит моё сердце, – сказала Зети, встав рядом со мной.

Мне не осталось ничего другого как сузить глаза еще больше и нахмурить лоб. Где-то высоко надо мной качал головой виконт, которому я показал мысленно средний палец.

Вдруг я испуганно вздрогнул. Кто-то ухватил меня за ногу. Щенок вцепился в подол штанов и не хотел отпускать. Он косился на меня блестящими голубыми пуговками. Хватка его была крепкая, он словно бы пытался показать на что способен.

Девочка рассмеялась, увидев, что делает щенок. Она захлопала в ладоши. Я сдвинул брови в кучу.

– Этот щенок, – почесал я затылок. – Он может привлечь внимание своим лаем к нам. Нам надо от него избавиться.

Девочка застыла непонимающим взором. А потом вскочила и ударила меня. Удар не сильнее падения капли дождя.

– Придурок, – сказала она. Точнее это звучало как «плидулок»

А девочка присела и погладила его. Он лишь косился на нее, и в его безумном взгляде промелькнуло разумное пятно. Зети кинула ему кусок колбасы. Щенок тут же отпустил ногу и принялся уплетать еду.

А чуть позже они посмотрели на меня – насуплено Баша и внимательно и доверчиво щенок.

Я снова отвернулся.

– Щенок может...– я не смог договорить. Оба продолжали на меня смотреть.

– Какая разница, – сказала Зети, – Если мы попадемся ропту, то убежать далеко не сможем. Со щенком или без.

Я кивнул и, почесав нос, продолжил.

– Ладно, пока щенок нам особо не мешает. Я предлагаю, не мешкая двинуться в путь.

– Мы останемся здесь, – изрекла Зети. – А вдруг мои родители живы, они обязательно придут сюда.

Зети встала и начала убирать посуду. Губы ее поджались.

Над селением дымилась дымка, и летали птицы, перебираясь с места на место в поисках добычи, коей было вдоволь. А за горизонтом, где сопки застывали в виде волн, стояла пыль. Это облако пыли скрывало какой-то автомобиль. Вскоре стало ясно, что к селению едет по грейдеру белая машина. Она остановилась возле одного из разваленных домов на восточной окраине селения. Дверь открылась, блеснув на солнце. И оттуда вышел человек в темной одежде.

Я перемахивал через руины: длинные балки, с торчащими во все стороны гвоздями, проникал через оконные проёмы, прыгал по гигантским раскрошенным блокам. Под ногами крошились стекла. А гулкие шаги отзывались эхом где-то сзади и сбоку. Без рюкзака я словно обрел крылья.

Машина оказалось белым пикапом – огромным словно корабль. Седовласый человек с красным пропитым лицом положил коробку в кузов. Оглянувшись на меня, он в ужасе выпучил глаза.

– Я ищу родственников Яики Дедзети, – я почувствовал, что старик не желал даже меня слушать. – Она убежала во время нападения. Вы не знаете, куда пошли выжившие?

Пучеглазый не ответил. Вместо этого он подошел к кузову и достал ружье.

– Я ничего не знаю, – заорал он. – Вали.

– Я просто хочу узнать....

– Пошел, сказал.

Я кивнул и, повернувшись, пошел назад. Оглянувшись, я увидел, что он смотрит на меня.

– Кто такая? – крикнул он. – Ну-ка повтори.

Я пошел назад к нему.

– Яика Дедзети, она была учительницей...Зети.

Тут я заметил, что в машине сидят дети. В силуэте окна мелькали их тени.

Пучеглазый кивнул.

– Зети знаю.

– А ее родители выжили? – спросил я.

Старик смотрел на меня прямо. В его глазах чувствовался немой укор.

– Выжили и их сын тоже, – он кивнул, в сторону горизонта. – Там лагерь выживших. За той сопкой. Они думают, что она погибла. А ты кто такой?

– Я познакомился в лесу.

Пучеглазый посмотрел на меня, а потом мрачно харкнул.

Из машины вдруг вышла женщина. Обвисшие щеки и веснушки. На ее лице застыла маска безразличия, которая заставила меня отшатнуться.

– Ты скоро, – рявкнула она.

– Да, – кивнул мужчина и, повернувшись ко мне, добавил. – Из селения надо срочно уходить. Сюда могут прийти мародеры.

– Мародеры?

– Да, они всегда следуют по пятам за этим тварями.

– А где выжившие?

Мужчина покачал головой.

– Они уже сюда не придут.

– Старик-сосед сказал, что ее родители погибли.

– Я сказал, что они живы – Асандра и Эфе, – грубо оборвал меня мужчина. – Они искали ее вчера – приезжали сюда. Он сжал рукоятку ружья. – Помогите мне поднять этот ящик.

После того как я помог, старик глубоко вздохнул.

– В моей машине есть место, – сказал он. – Одно, разумеется. И я готов ее забрать. Я так быть ради Асандры и Эфы заеду в лагерь выживших, хотя у меня нет планов, туда заезжать мне придется сделать крюк – мы собираемся дальше на запад. Это совершенно в другую сторону.

– Она с ребенком.

– С ребенком? А ты парень время не терял, – скривился старик.

– Я имел в виду, выживший ребенок с этого селения – девочка Баша Фью.

– Ладно, пусть оба идут.

– А я?

– Пешком дойдешь, здоровый, за день точно доберешься. Учти, если не приедет сейчас, то и ей придется идти пешком.

Я кивнул, и ретировался.

Возвращался куда медленнее. Меня мучили мысль о том, что я могу потерять Зети. Как поступят ее родители? В проеме разбитого окна, я вдруг увидел свое отражение. Оно ухмылялось.

Всю неделю мне снилось одно и то же. Глаза ропта – черные, как смоль без зрачков. Глаза чудовища, убившей моих родителей. Каждый раз, когда я просыпался, я жалел об этом. Жалел о пробуждении. Но только не сегодня. Сегодня я проснулся с чувством облегчения. С чувством радости.

Я вспомнил как, пробирался один, как спал в какой-то расселине. Вообще для выживания советчики говорят иметь в напарники человека, что бегаёт хуже, чем вы. Тогда у вас есть шанс выжить. Девка может пригодиться для этих целей. Я знаю это – цинично звучит. Но есть и еще один факт. Она страшненькая, но что-то в ней есть. Совсем чуть-чуть.

Когда я вернулся, малышка спала. Рядом примостился щенок. Хвост его почти замер, а рот девочки, измазанный какой-то едой, приоткрылся. Парочку объел хороший сон.

– Ты что-то узнал? – спросила Зети.

– Водитель был не в духе разговаривать. Какой-то мужик с семьей – приехали забирать скраб. Он сказал, что видел часть выживших. И...он сказал, что нужно уходить. Сюда могут прийти мародеры.

Зети посмотрела на меня, широко открыв глаза.

А насчет моих родителей, он их видел? Или родственников.

Я посмотрел на Зети и малышку. Сердце начало покалывать иголками.

– Надо уходить.

– Куда.

– Не знаю, подальше.

– Так он видел моих родителей?

– Нет.

– А еще кого-нибудь? У меня много родственников в этом селении.

– Нет, – я содрогнулся.

Зети отвернулась. А потом начала гладить волосы девочке.

– Я не пойду никуда. Если мои родители живы, они придут сюда. Мой долг ждать их и надеяться на чудо.

– Но... – я замер, не в силах вымолвить ни слова.

Щенок вдруг заскулил. И прижался теснее к девочке. Мы оглянулись.

– Я решила называть ее Фью, – сказала Зети. – Я с тобой согласна – Баша – дурацкое имя.

Ночью я проснулся от того, что луна светило прямо в лицо. Я увидел силуэт Зети, ее дыхание согревало комнату, разметавшиеся волосы казались ночным водопадом. Я увидел, что ее лицо засветилось. Также как лицо Фью. Я поднялся, заставив недовольно заскулить пса, заснувшего около меня. Подошел к окну. На душе скребли кошки.

Глава 4

Выстрел. Я вскочил. Во дворе элеватора кружили мотоциклы. На бетонной площадке уже выстроились полукругом машины – древние электрокары, покрытых пылью и зеленым соком растений. Мотоциклы газовали, и грохот их моторов заставлял дрожать стекла на нашем этаже.

Обеспокоенная Зети протерла глаза и приподнялась. Реснички запорхали точно бабочки.
– Кто это? – спросила она.

Я пожал плечами.

Девушка подошла и припала к окну. Аромат ее волос накрыл меня с головы до ног.

На площади стоял парень в черных очках. Сквозь белую обтягивающую майку рвались мышцы. Аккуратная стрижка напоминала ирокез. Он подносил ко рту рацию и вглядывался вдаль. Подбородок возделся, демонстрируя, что его обладатель необычайно высок. На голову выше всех остальных.

Вдруг к плацу в середине двое мужчин в банданах из машины выволокли двух полных женщин, связанных скотчем. Их бросили на бетонную площадку на колени. Впрочем, парень в черных очках не обращал на них никакого внимания.

К парню в очках подошел толстый мужик в цветной рубашке и шортах. Через плечо у него висел карабин. Смех пробирал его всего. Явно жизнь удалась.

Снизу начали раздаваться их голоса. Послышался раскатистый смех.

Зети повернула ко мне обеспокоенное лицо.

– Это мародёры, – сказал я.

Только сейчас я почувствовал смрад, что шел от трубы отопления. Щенок затыкал, словно почувствовав опасность. Человек в очках, словно почувствовав наш взгляд, поднял голову вверх. Я нагнулся, увлекая Зети.

– Нам нужно на крышу, – девушка расширила глаза. Бери ребенка, а ты рюкзаки.

Я побежал по коридору, держа в руках Фью, которая начала протирать глаза.

– Куда мы в такую рань, придурок, – девочка недовольно оглянулась по сторонам. Я невольно раскрыл рот от удивления.

Наверх вела вертикальная железная лестница. Она заканчивалась люком. Малышка охотно поползла по лестнице вверх передо мной. Я толкнул люк. И он не думал поддаваться.

– Сильней толкай, – прошипела Зети. – Он тяжелый.

Словно атлант я, согнувшись в три погибели, уперся ногами и тогда чугунный люк со скрипом откинулся. Фью ловко наступив мне, на плечо оказалась на крыше. Я поднялся следом.

То, что я увидел на крыше, меня поразило. Шезлонги, бар, навес, террасная плитка.

– Оставайся здесь, не уходи, – крикнул я.

– Мой щенок, – возмущенно вскрикнула она.

– Твой щенок пошел загорать.

Затем устремился назад. Зети с трудом поднялась на пару ступенек, не в силах поднять мой рюкзак.

Я ухватил оба рюкзака в одну руку и начал подниматься. Я выкарабкался наружу первым, а затем подал руку Зети.

И в это время на лестничной площадке показались люди. Я заметил одного из них – зеленые волосы, татуированные синие руки. Он открыл рот, а затем быстро побежал вверх. Он посмотрел мне в глаза. В этот момент они мне показались самыми круглыми вещами на свете. Два круга белых, и два пепельно-черных. И сейчас они вперились в меня и даже не моргали. И это продолжалось несколько секунд. Однако пистолет в его руках, так и не выстрелил. Его

очаровал этот моментом. Не каждый охотник готов к тому, что когда подойдет к озеру он увидит уставившегося ему в глаза жирного оленя.

Я смотрел ему в глаза и закрыл люк.

– Засов, – крикнула Зети.

Последний элемент со скрипом заехал в паз. Я откинулся на теплую крышу, вздрагивая и вытирая пот. А потом раздался гулкий удар, от которого люк начал вздрагивать. Через некоторое время стуки прекратились.

Так мы оказались в добровольной ловушке. Выдержанной в стиле ресторана. Где-то даже цвели фикусы. На резных балясинах беседки сидели воробьи. Я сел за один из столов. А затем положил на него обрезок трубы, обнаруженной перед баром. Мои спутники последовали моему примеру.

– Кто это придумал? – перевел я дух.

– Здесь папа проводил время, – Зети обхватила руками щеки, а затем покопавшись в рюкзаке наполнила стакан с кефиром Фью. – А потом он помышлял сделать на крыше убежище, что-то вроде крепости.

– Можно еще, – сказала девочка и протянула стакан. Зети начала набирать ей кефир.

– Это настоящая крепость, – заметил я. – Вот только они нас заметили. И это плохо.

Мгновение спустя раздался еще один стук в люк. Сначала настойчивый, а потом требовательный. Впрочем, стуки стихли очень быстро.

– Прости, – Зети понурила голову. – Ты говорил, что они придут, а я не послушалась.

– Не переживай, – заявил я, поигрывая черенком. – Никто сюда не сунется.

Стрекот прервал наш разговор. Над нами завис дрон. Огромный серебристый он уставился на нас своим красным глазом – камерой. Где-то внизу раздалась окрики. Я поднял кружку со стола и спрятал ее за спину.

А потом начал подходить к дрону.

Крики внизу раздавались все сильнее и сильнее. Я увидел, что окуляр камеры смотрит на девушку.

А я метнул в дрон стакан. Раздался гулкий удар. А потом дрон крякнул и начал падать под углом и скрылся внизу. Внизу раздалась крики возмущения.

Я подошел к краю. Мародеры, казались, очень маленькими отсюда. Но разговаривать можно было без труда. Вокруг царил могильная тишина. Парень в очках приставил ладони ко рту. Он скалился.

– Ты что с дроном сделал гондон? – крикнул он. – Тебе конец.

Я показал ему средний палец.

– Спускайтесь и мы просто поговорим.

Я мрачно покачал головой.

– Здесь, два жителя этой деревни, если вы не спуститесь, мы их пристрелим, – продолжил парень.

– Спускайтесь, – прокричала одна из пленниц, стоявших на коленях.

– Убивай, – прокричал я. – Я их знать не знаю.

Внизу заулюлюкали.

Парень, достал пистолет и пальнул в мою сторону. На меня брызнули бетонная крошка.

– Я вырву тебе руки, – кричал он.

Казалось, что бандиты забыли о нас. Мародёры занимались своими повседневными делами – грабили разрушенное селение. Скарб они сваливали на площадку. Самое ценное складировали в микроавтобус. Несколько человек занимались записью и складированием добычи.

Мои владения – бетонная площадка в заплатках из рубероида и небольшой уголок с баром и барбекю с шезлонгами с навесом. Я обходил их словно лев, держа в руках огрызок металлической трубы. Я нашел ее возле барбекю.

Тем временем щенок спустился вниз. И теперь мельтешил, где-то между ног мародеров. Периодически он действительно получал от них смачного пинка. И отвечал скулежом. Он тьякал, смотрел по сторонам, а хвост его дрожал.

А потом пошел дождь. Мелкий дождь придавал серой бетонной крыше зловещий кровавый оттенок. Воздух вокруг окрасился в мышиные тона, барабанная дробь капель возвестила о начале большого оркестрового концерта. Причем с кульминацией в виде молнии и раскатов грома.

– Ой, что это! – вскрикнула вдруг Зети.

Я оглянулся. Над уступом показалась трехглавый якорь. Как раз когда дождь только начал набирать силу. Лысая голова вынырнула из-за края крыши и уставилась своими звериными щелочками.

Я уже подбежал. Сердце моё колотилось как ненормальное.

Густые сросшиеся брови и большие пепельные глаза. Голова стала явью. Кошмаром из всех моих детских снов. Человек ничего не боялся.

Я бил по голове. Точнее один раз. Руки были не моими руками. И дубина не моей. Это рефлекс откуда-то из глубины веков. Виконт где-то там наверху аплодировал и присылал воздушные поцелуи своему потомку – неумехе.

Человек громко закричал и сгинул до того как я его ударю.

Я выглянул вниз. Здоровый мужчина в черном камуфляже повис на веревке над окном последнего этажа. И неестественно вывернув ногу. Он поливал меня руганью. Другой человек помог ему залезть обратно.

– А почему они плохие? – спрашивала девочка.

– Потому что, они хотят нас побить, – отвечала Зети.

– А почему они хотят нас побить?

– Их мама плохо воспитала.

– А почему их мама плохо воспитала?

Пленницы оставались под дождем. Одна из них в какой-то момент начала истошно кричать. И одному из мародеров пришлось ее успокоить хорошей оплеухой.

Малышка заснула прямо под звуки дождя. Ноздри ее вздрагивали во сне. Фью смогла съесть большой сэндвич, от которого раньше воротила нос.

Зети гладила ее по голове.

– Они могут попытаться залезть, – сказал я, вернувшись из очередного выхода к стороне, откуда пытался залезть лысый.

– Чпок.

– Да.

– Ты такой отважный и добрый, – вздохнула Зети и спрятала голову в коленях.

Я ничего не ответил. Лишь встал и попробовал взглядеться в тучи, простертыми до горизонта. На губах застыл запах крови.

– Что она делает? – закричала Зети.

Малышка Фью стояла на краю крыши.

– Вы слышите меня плохие дяди. Слышите. Я вас побью.

Девочка кинула в них камень.

Вскочив ото сна, я стремглав бросился к краю крыши. Фью оказалось у меня в руках, но все еще продолжала грозить им рукой Мародеры стояли внизу и гоготали. Один из мародеров – светловолосый и прозрачными глазами прицелился, сложив руки.

После того как дождь стих мародеры продолжили грабить селение. Опять загрохотали мотоциклы. Пленницы лежали внизу прямо на земле. Одна из женщин, похоже, потеряла сознание. Они оставались под проливным ливнем.

– У нас есть консервы, – заметила Зети после ужина. – Хлеб кончился. Воды тоже немного.

– В бочках есть немного дождевой воды, – отвечал я.

Тем временем до нас доносились запахи шашлыков. Мародеры устроили пир.

Когда заалела вечерняя заря, внизу под металлическим выпуклым люком раздалась удара. Я подошел ближе с бьющимся сердцем. На ее поверхности появилась точка. Красная как закат. А потом сквозь образовавшуюся дыру, просочилось пламя – голубое – словно утренняя звезда.

– Что это? – спросила Зети.

– Сварка, должно быть, – отвечал я. – Пытаются вырезать люк.

Зети и Фью испуганно обнялись и начали ждать.

Я подошел к краю крыши. Вожак в очках обратил на меня внимание. Он по-прежнему находился на своем любимом месте. Возле белого джипа в окружении свиты.

– Дурная идея, – прокричал я. – Одного я по любому убью.

– Ты уже труп, – прокричал толстяк, стоявший рядом с ним. – Дело времени.

Мародеры прожгли в люке продольную линию. Все что оставалось мне – это ждать. Я сжимал холодную трубу. А потом я почувствовал на плече руку Зети.

– Они до нас доберутся, – прошептала она. – Я хотела сказать. Я просто считаю, что... ты такой смелый. Спасибо тебе.

Девушка смотрела на меня прямо и уверенно. А потом ее лицо расплылось в улыбке.

– У тебя сейчас глупое лицо.

Она повернулась и пошла. Я догнал ее за стойкой бара – длинным белым и таким пустым. Деревянный пол легко поскрипывал под ногами.

Фью, спала на подстилке укрытая с головы до ног по другую сторону бара. Тонкая свеча все еще рвалась из-под люка. Я тяжело дышал и смотрел на ее губы. Труба со звоном упала. Губы Зети были столь же влажные, как облака, нависшие над нами.

– Какой удивительный вечер, – прошептала Зети, отстранившись. – Мне кажется, что я на море. Посмотри.

Зарево облаков, залитых серебристой луной клубились в пустоши. Очертания сопки придавали горизонту форму морских волн. И шипение горелки походило на шум моря.

Я смотрел на Зети, а она на меня. И словно бы она качнула головой в мою сторону. Вдруг раздался вой моторов. На улице послышался топот ног. Застрекотала рация и крики.

– Что случилось? – спросила девушка. Она отстранилась.

Пламя сварки исчезло. Я побежал к краю крыши. Внизу мародеры спешно погружались в машины. На нас они даже не смотрели. Вожак на подножке белого джипа раздавал указания по рации.

А потом караван, взревев, устремился в густоту ночи.

– Они ушли, – сказал я, вернувшись к Зети, которая все еще сидела на бетонной крыше, обхватив руки коленями.

Она победоносно улыбнулась и встала. Когда я попробовал ее поцеловать, она увернулась.

– Ты не должен этого делать, – взгляд девушки похолодел.

Глава 5

Щенок, взвизгнув, бросился к нам в сумерках. Он принялся лобызать нам руки. Он прыгал и рвался к нам. Зети улыбаясь, чмокнула его в нос. Маша попробовала проснуться, но не получилось, она, зевнув, снова устроилась у меня на плече.

– Помогите, – раздался голос из темноты. Приглядевшись, я понял, что это те самые пленницы. Пожилая и полная молодая женщины связанные сейчас сидели, прислонившись к стене.

Я передал малышку Зети, а сам подошел к ним. Я достал из рюкзака нож и разрезал путы.

– Куда они ушли? – спросил я.

– Ропты идут сюда, – объяснила одна из них, потирая руки. – Они нас оставили специально в качестве дармовой еды. Они уже давно нас возят.

Женщины поспешили распрощаться. Мародеры оставили в 40 милях к северу в соседнем селении, их мужей с детьми.

– Нам надо уходить на север, – сказала полная женщина, вытирая слезы.

– А мы уходим на юг, – я встревоженно огляделся по сторонам. – Будем идти вдоль реки. Попробуем найти караван беженцев и пройти с ними через пустошь. Вы простите, что я не согласился спуститься...

– Ну, уж, я бы ради вас точно не спустилась, – заявила толстуха. – Ой, а можно я поцелую малышку на прощание. Какая она у вас все-таки храбрая. Я так молилась, чтобы бандиты до вас не добрались. Они просто сумасшедшие.

– Ты долго там? – крикнул я, пряча голову от морозящего дождя. – Ропты будут с минуту на минуту.

Фью закутанная в куртку Зети, мерно посапывала у меня на плече.

– Я взяла для тебя куртку папы, – Зети выбежала со своего дома. – Я написала на стене, что жива и отправляюсь на юг, и чтобы они искали галонет и писали мне на электронную почту. А теперь надо зайти домой к Фью.

– Нет, у нас нет времени,

– Идите в сторону пустоши, я вас догоню, – сказала девушка. – Она посмотрела на меня. Лицо ее блестело от морозящего дождя. – Я согласилась пойти с тобой на юг ради Фью. Девочке нельзя оставаться здесь – это опасно для нее.

Но уходить далеко мы с Фью не стали, а остались посреди улицы. Содрогаюсь, я всматривался в пустынную ночь, откуда в любую минуту мог появиться голодный ропт. Где-то там замелькали огни. Кто-то направлялся в село. И этот кто-то не исключено пересечется с роптом.

И лишь услышав знакомые шаги и бледную тень девушки, я вздохнул с облегчением. Наш маленький отряд ушел в сырую ночь.

Жаворонок прыгал в сухую траву. Одинокое облако плыло вместе с нами. Пустошь и горизонт. В жизни я не мог представить, что способен одолеть пару десятков миль, будучи навьюченным как верблюд. В отражениях редких луж я украдкой наблюдал за своей спутницей, чьи каштановые волосы струились водопадом к земле. Щенок фыркал, натываясь на слепней и ос. Казалось, он единственный был счастлив и не скрывал этого.

Надо уйти как можно дальше в пустошь. Подальше от роптов.

Через некоторое время я понял, что привалы становятся все чаще и чаще. Я покрылся потом, и стал дышать чаще. Моя цель – излуцина реки, до которой я планировал добраться до обеда, зеленела вдали.

Зети не жаловалась. Она таинственно улыбалась, подставляя лицо ветру, и периодически находила подбадривающие слова для Фью, висевшей у меня на руках.

В какой-то момент шум двигателя автомобиля вызвало у меня буквально панику. Я оглянулся. Сзади ехал автомобиль. Черный внедорожник. Колеса с мощным протектором и угловатые формы выдавали в нем основательность и brutальность. Такого автомобиля я у мароде-ров не видел.

Почесав затылок, я махнул рукой...

Какого было моё удивление, когда мощный внедорожник остановился. Дверь чуть ли не со скрипом отворилась. Внутри сидел седовласый старик. Клетчатая рубашка, клинообразная белая борода и рубашка в черную клетку. Огромные покрытые белыми волосами руки. Старик поддернул очки на носу. Машина не шумела совсем. Совершенное чудо техники. И внутри сидел респектабельный, а возможно даже богатый человек. Причем он был богат своим внутренним миром. Сейчас я видел каждый волосок на его руках, напоминающий джунгли какой-то неведомой планеты. Ноздри зашевелились как у дракона. Доброго седого дракона. А еще у него огромный нос. Это не нос, а просто огромная картошка, покрытая узлами: бесформенный кусок плоти.

– Не подбросите? – спросил я.

– Куда?

– Нам бы к Атласным горам, но если до реки добросите, все равно рады были бы.

Старику ответ понравился, потому что он удовлетворенно крикнул. Уютное, прохладное нутро внедорожника нас словно засосало. Я водрузился на переднее сиденье.

– А Шопик? – завопила Фью.

– Шопик останется – его будут ждать друзья, – повернувшись, объяснил я девочке.

– Шопик! – воскликнула Фью.

Машина поехала. А щенок некоторое время недоумевавший, что остался, тут же припустил следом. Через некоторое время щенок превратился в точку. Старик вздохнул. Машина, замедлившая ход, окончательно остановилась.

– Возьмите пса, – скомандовал старик. Точнее прохрипел. После каждой фразы он кричал.

Машина тронулась вновь. На этот раз на заднем сиденье сидел песик. Он тяжело дышал, и блестящие пуговицы смотрели в пустоту.

Старик молчал. На все вопросы, он хмыкал.

– Мы вам премного благодарны, – проворковала Зети.

Старик почесал бороду.

– Куда же вы направляетесь? – помялся я.

– Далеко, – процедил старик.

– Мы направляемся на юг, – после паузы продолжил я. – В горы. Говорят там безопасно.

– Сейчас нигде не безопасно, – отрезал старик.

Старик почти не смотрел на нас. Взгляд его был блуждающий и очень цепкий. В голубых глазах мелькала искра, периодически прожegaющая дорогу. Губы его безмолвно шевелились, словно он с кем-то разговаривал.

– У вас довольно неплохая водительская хватка, – заметила Зети. Казалось, она заигривала.

– Отличная, – согласился старик. Он вдруг улыбнулся и расправил плечи.

Вдруг старик крикнул.

– Я не понял, – сказал он, вдруг очнувшись. – Кто вы такие. А ну марш из машины.

Автомобиль остановился и окутался пылью.

– Как вы же сами остановились, – возразил я.

– Что? Я что с ума сошел останавливаться. Я не останавливался, даже когда на дороге бабы с младенцами бросались. А ну вышли.

Мы с Зети переглянулись.

– Хорошо, – сказал я. – Но добросьте нас хотя бы до реки.

– До какой реки?

– Она совсем недалеко отсюда.

На заднем сиденье раздались всхлипывания. Фью заплакала и бросилась в объятия Зети.

– Мы уходим, оставьте здесь, – сказала девушка. – У нас есть гордость и честь. К чему уговаривать этого старика. Пожалуй, песок, что нас окружает, менее черств, чем вы.

– Нет, мы не выйдем, – крикнул я.

– Я не понял, кто это плачет? – спросил старик.

– Это Фью ей пять лет, – сказала Зети.

– Четыле, – возразила девочка. – А нет точно 5.

– А ты кто такой?

– Чпок. Бум Чпок.

– Что? Что он сказал.

– Он говорит, что его зовут Чпок, – подсказала Зети.

– Чпок? Этого малахольного зовут Чпок, – изумился старик.

Я надул губы, и открыл было рот, но не посмел огрызнуться. Перспектива начать мерить пустошь шагами мне показалось непозволительной роскошью.

– А вас как зовут? – миролюбиво поинтересовалась Зети.

– О! Меня Давид Яуш. Профессор. К вашим услугам.

– У вас дореволюционное имя, – догадался я.

– Точно, – обрадовался старик.

– А вы профессор чего? – не унималась Зети.

– Да, – махнул рукой старик. – Физики.

Через некоторое время я понял, что он дал по газам.

Водянистые голубые глаза профессора, когда он поднял очки на лоб, казались, излучали маслянистый теплый свет. Только сейчас я заметил, какие огромные руки у профессора. В его движениях, словах ощущалась первобытная сила. Необычный ученый. Он сочетал в себе силу и ум.

Меня сморил сон. Голову кидало на кочках, и я просыпался, оказываясь в царстве образов, намеков и грохота слов, как пушечный выстрел.

Тут мне в голову пришла мысль, от которой я содрогнулся, и я усилием воли заставил себя проснуться.

– Мы проехали плес, где встретились? – спросил я у девушки.

– Полчаса назад, – улыбнулась Зети. – Но я не стала тебя будить. Может быть нам лучше доехать до Атласных гор вместе с уважаемым доном.

– Возможно, мы едем в ту же сторону, что и мародеры, – сказал я. – Ни факт конечно, но не исключено. Предлагаю поехать по какой-нибудь другой дороге. Или остановиться. Но ехать на юг сейчас нельзя. Давайте переждем один день. Встанем на привал. Выставим караул.

– А мне плевать, – медленно повторил профессор. А затем высказал такое ругательство, что у щенка встали уши на голове. Зети распахнула в ужасе глаза.

– Точно, – сказала Фью. И повторила то же самое ругательство.

Впрочем, у ругательства был смысл. Профессор хотел продолжать ехать по той же дороге.

Теперь у меня сон пропал. С ужасом я понимал, что внедорожник профессора, возможно, движется навстречу нашей гибели. Но попросить остановиться, чтобы вылезти из машины, не смел. Река отсутствовала вблизи. Высадка означала неминуемую смерть.

– Прошу вас профессор, смилуйтесь, давайте сделаем привал, – шептал я в ужасе. Профессор хмыкал, улыбался и качал головой. На его лице застыла зловещая ухмылка.

Пестрый караван машин показался на горизонте. Приблизительно к полудню.

– Это они, – закричал я. – Прошу вас остановитесь. Это точно они.

– Не паникуй, – сказал профессор и почесал переносицу. – Ты когда-нибудь смотрел смерти в лицо?

– Да.

– Зачем бояться тех, кого можно убить, – он подмигнул мне и улыбнулся, показав ровные зубы.

В салоне словно появилась пыль. В животе у меня сгустился комок. Я оборачивался до тех пор, пока в шее у меня что-то не хрустнуло.

Зети гладила по голове Фью, которая припала к ее коленям. Малышка просто обняла ее и молчала.

Впереди густой ковыльный океан. Я почувствовал вкус крови во рту. Белое облако на горизонте росло. Миражи плавались и обретали очертания.

Профессор протер очки, и вытер потную шею. Я хотел упрекнуть старика, но вместо этого лишь вздохнул.

Машина пролетела мимо мародеров, стоявших лагерем у дороги. Раздались автоматные очереди – кто-то стрелял в воздух. Некоторые, выпучив глаза, смотрели на нас. Я оглянулся. В стане бандитов началось движение, точно в осином гнезде.

Профессор взгляделся в зеркало, и смачно выругался.

Обернувшись, я разглядел белый знакомый силуэт, вырвавшийся вперед. Белый внедорожник. Я узнал эту машину. Она принадлежала лично жожаку мародеров. Большая, быстрая машина. Вся ее верхушка покрыта фотоэлектрическими панелями. Сейчас она внушала ужас. Тот, кто водил ее, не впервые уже догонял людей. И сейчас он, наверное, пребывал в азарте погони.

Скоро уже можно показались фары преследователей, сверкающие золотом солнца, хромированные зеркала. Одно пылевое облако догоняло другое. Внедорожник мародеров поравнялся с нами. Окно отворилось, и из заднего окна показался мужчина с бакенбардами и усами, ухмылка, демонстрирующая гнилые зубы. В синих татуированных руках он держал черный автомат.

– Пригнись, – заорал профессор. Я последовал совету. В воздухе вдруг застыди хлопки. С моей стороны окно лопнуло.

Старик дал по тормозам.

Меня сильно откинуло вперед. Машину окружило облако пыли.

Профессор выругался и закашлял, протянул в мою сторону палец.

– Там в бардачке.

– Что? – впрочем, я уже искал пистолет в бардачке. Но никакого оружия там не было.

– Здесь нет пистолета? – прокричал я. – Где пистолет.

– Не пистолет дурень, дай сигареты.

Я нащупал черную пачку с золотой каймой. Старик вынул одну сигарету и задумчиво покрутил в руках.

Через мгновение двери почти по всех сторон открылись. В кабину ворвался ветер страшных предчувствий. Злые глаза воззрели на нас. Перекошенные злобой челюсти перетерли и выплюнули мой беспомощный взгляд, а волосатые ноздри хватили воздух с мощностью авиадвигателя, словно пытаясь учуять страх. Это мой конец. В животе что-то оборвалось. Что-то гнилое и липкое. Теперь там правил только страх – огромный и черный как масляная лужа. Страх начал сочиться с каждой клетке в моих порах, выстреливая адреналиновыми иглами в

вены. Мародер с бакенбардами, увидев меня, сплюнул. А затем он схватил за волосы огромной пятерней и швырнул оземь.

– Осторожно я сам выйду, – послышалась до меня ворчание старика.

Кто-то подошел и пнул меня под ребра.

Я заорал, глотая пыль и сухие соцветия трав. По траве полз жук. Сейчас я ему откровенно завидовал. Сквозь пыль я увидел, как надо мной склонились знакомые лица. Щенок взвизгнул. Кто-то из мародеров от души приложился по нему ногой. Теперь он смотрел на меня из-под днища нашей машины, скривив башку. Казалось, он мне сострадает.

Тот самый вожак вблизи оказался не совсем высоким. Руки его горели в голографических тату. Под определенным углом, драконы пылали огнем.

Фью заорала. В ее голосе, звучащем как сирена, потонули все окружающие люди.

– Мандр смотри это же те, на крыше, – прокричал человек с баками.

– Что вы делаете? – вскрикнула Фью. – Вы что сдурели? Вы зачем побили дядю Бума?

Отвечайте немедленно.

Вожак молчал.

– Это твоя внучка? – спросил он старика, который тут же схватил девочку и, развернув, спрятал за спину, прижав палец к губам.

– Да, – гордо отвечал он.

– А баба чья.

– Понятия не имею, – он кивнул. – Забирай.

Вожак жевал травинку и на меня даже не смотрел. Он разглядывал зачарованно машину. Наш пес вдруг оказался у его ног, виляя хвостиком. Тот равнодушно пнул его под зад, отчего тот заскулил.

– Хорошая тачка, – похвалил он старика.

– Да неплохая, – сказал он и сплюнул пол ногами.

Я не хотел вставать, потому что понимал. Стоит мне приподняться и любой из процессии мародеров наградит меня ударом. Еще две машины притормозили рядом. Оттуда высыпали люди. Один из них подбежал ко мне. Лысый со шрамом через весь лоб. Он, подбежав, пнул мне в живот, отчего я подлетел несколько раз.

– Это, тот парень на крыше? – спросил вожак у него, кивнув на меня.

– Точно. Я его рожу запомнил, – сплюнул лысый. Он, было, направился ко мне второй раз, но его удержал вожак.

– Успеешь, – мягко сказал он.

Вожак смотрел на меня, а затем подошел вплотную. Я видел его ботинки. Черная патина загадочными узорами расползлась на коже.

– Как ты думаешь, кто мы? – раздался голос.

Над пустошью повисло молчание.

– Кто мы? – раздался голос повторно. И носок ботинка ткнулся мне в грудь.

Я почувствовал, как меня хватают за волосы и поднимают и ставят оземь.

– Ну? Твое предположение.

Никогда я еще не видел столько глаз с любопытством, нацеленных на меня.

– Банда, – я замялся.

– А чем мы занимаемся?

– Вы мародё...ры, – от волнения мой язык, начал скрючиваться. В желудке начались конвульсии.

– Я не понял, ты нас осуждаешь?

Я посмотрел на вожака. Легкая небритость цвета ненависти и стальной взгляд из-под очков.

– Ты что-то имеешь против нас?

Я вдруг почувствовал, как ветер лижет мою щеку. Я стоял на пошатывающих ногах перед мародером. У меня нет ни единого шанса спастись. Старик отхаркивался. А глаза у окружающих бандитов улыбались.

– Ну, отвечай?

– Я? Мне все равно, – ответил я.

– Гляньте ка ему все-равно, – ухмыльнулся Мандр.

В толпе раздалась смешки. Затем они переросли в истерический смех.

– Слушай, а баба твоя ничего, а, может, поделишься?

Я покачал головой. И теперь уже мародеры смеялись громко.

А потом кто-то с разбегу меня пнул. В глазах потемнело. Земля закружилась.

– Это за то, что не хочешь делиться, – раздался голос. Мародеры захохотали.

– Хочешь, я сделаю так, что Калист тебя не будет бить? – поинтересовался Мандр. – Если согласен, то прокукарекай.

Почти все уставились на меня. Что самое обидно и Зети смотрела на меня, расширив глаза.

– Ну, я жду, кукарекай, – вожак смачно выпустил дым из рта.

– Не вздумай кричать, лучше умри как мужчина, – подал голос профессор.

– Ку-ка-ре-ку, – тихо, но с надрывом произнес я.

Мародеры загоготали.

– Громче, я клянусь, тебе здесь никто не тронет, громче, – улыбнулся Мандр.

– Ку-ка-ре-ку, – закричал я.

– Слушай, а может быть старик, ты тоже присоединишься к нему, – спросил Мандр. –

Тебя тоже не тронут.

– Чтоб я сдох, – заявил старик.

– Слушай, так ты дашь нам свою бабу? – Мандр нагнулся и потрепал мне щеку, и снова затянулся сигаретой, расплывшись в улыбке. – Отвечай, дашь? Нет, не дашь. Быть того не может. Какой жадный мальчик. Что ты будешь делать. Смотри, плачет.

Мои слезы сползали на землю.

– Знаешь, почему у нас нет женщин в нашем отряде? Потому что мы не верим бабам, они суки вечно плетут интриги, – Мандр прищурился. – Но некоторые из нас, их любят от души. Да Сепак?

– Конечно.

– Ладно, тогда пусть смотрит.

Меня схватили за волосы и повернули в сторону белого джипа мародеров. На заднем сидение парень с бакенбардами, схватив Зети, потащил ее к машине.

– Оставьте меня, мерзавцы, – девушка закричала, отчего у меня застыла кровь в жилах.

– Сейчас твою бабу приласкают, – заметил кто-то.

Ко мне лицом повернулся парень с бакенбардами. Он снова обнажил свои неестественно черные зубы и оскалился, снимая рубашку. Всю его грудь покрывала шерсть.

– Есть прикурить? – как бы невзначай поинтересовался профессор. При этом он скривил рожу так, словно он один из мародеров.

Вожак, не отрывая взгляда от борьбы, не услышал просьбу. Позади него стоял мужчина средних лет в камуфляже, до сих пор не проронивший ни слова. Он зажег зажигалку и протянул старику.

– Благодарю, – кивнул старик.

– Хорошая машина, – мужчина в камуфляже затянулся. – Сепак, ты слышишь, возьмешь себе.

– Сволочи, – кричала девушка. – Вы не посмеете. Мерзавцы. Чтобы вы все сдохли. Крепины.

– Спасибо Бригадир, – закричал ему парень с баками. Он наградил Зети ударом отчего она вдруг затихла.

Он потянул ее трико, и взору окружающих предстала хрустальная белизна ног.

– М-м-м, – одобрительно замычал вожак.

Я смотрел и думал о том, что лучше бы я ослеп.

А потом я действительно ослеп.

Зажженная сигарета полетела и приземлилась у ног вожака. Она горела неестественным голубым пламенем.

Вожак выругался и отпрыгнул. А потом раздался взрыв, и все перед глазами вспыхнуло ярким пламенем. Таким ярким, что все вдруг стало белым. Ослепительно белым. Я ничего не видел. Раздался нечеловеческий крик. Может быть даже мой. Но он проник в мою голову тысячекратным эхо. Боль от мысли, что никогда больше не увидишь белый свет. А может только белый свет и все.

А потом раздался выстрел.

– Лежать сукины дети, – раздался в белой мгле голос старика. Теперь он король. И он правил этим балом. Он стал роком, что решал, кому жить из мерзавцев, а кому отправиться на свидание с червями.

Кто-то издал вопль. Я упал на землю, пытаясь усиленно моргать. Но все напрасно.

А затем я почувствовал, как кто-то сильный схватил меня за плечо. Мои ноги едва касались земли. Я упал внутрь и почувствовал запах кожи. Дверь за мной закрылась. Кто-то сел рядом со мной. Скулеж щенка.

Выстрел. Еще выстрел и еще. Как будто, где-то далеко. Все что я видел перед собой белое пятно.

Мысль, что я ослеп, заставила меня кричать. Я нагнулся и начал плевать.

– Я ослеп, – жалобно прокричал я и заплакал.

Я услышал, как утробно плачет Зети.

– Не ссы, сейчас все пройдет, – раздался громоподобный голос старика.

Зрение ко мне начало возвращаться. Я увидел черную обивку кресел.

Рядом со мной сидела Зети. Вся пунцовая. Впереди на сиденье, держа перед собой щенка сидела Фью, также вытирая слезы. Между сиденьями примостился автомат одного из мародеров.

Старик азартно вел машину и ругался. Щенок ему аккомпанировал.

– Да заткнись ты скотина такая, – крикнул старик и щелкнул его по носу. Слух вернулся тоже.

Я испуганно оглядывался по сторонам. А затем украдкой вытер слезы. Оглянувшись, я увидел, что преследователи остались далеко позади.

– Что произошло? – спросил.

– Я старый стал, чтобы воевать, – он оглянулся и, азартно вцепившись в руль, дал по газам. – Ублюдки.

– А чем вы их ослепили? – спросил я.

– Что?

– Я говорю, чем ослепили?

– Ну, как тебе сказать, – старик пожал плечами. – Световая граната. Стилизованная под сигарету.

Он вынул «сигаретный короб» из кармана куртки и кинул в бардачок.

– Они будут нас преследовать? – спросил я, вглядываясь вдаль. Долину скрывали снежинки.

– Я убил вожака, – старик помолчал. – Надо было конечно всех...убить. Но если я правильно понял, этот Мандр был вожак. После его смерти банда будет обескуражена и занята новыми выборами. И новый вожак решит, что смерть его предшественника, это результат его недальновидной политики. И поведет свое стадо в другое место.

Я оглянулся на Зети.

– С тобой все в порядке? – спросил я Зети.

– Да, – сухо ответила девушка и отвернулась. – Это были всего лишь люди. Я думаю, что тебе сейчас хуже, чем мне.

Чуть позже она глубоко заснула в объятьях Фью. Я же смотрел на нее украдкой.

Глава 6

Старик говорил на пунтлике – всемирном языке с некоторым акцентом. Впрочем, как и все пожилые люди, что когда-либо разговаривали на языках своих матерей. А потом начали изучать один язык. В принципе это не бросалось в глаза.

На краю крутой сопки, профессор остановился. Он вылез из машины и вздохнув начал вглядываться в горизонт. Автомат шел старику. Сейчас он опирался на него, любуясь искрами от огня. Облик этого седовласого старца кричал таким мужества, что я даже не заикнулся о том, что огонь может привлечь роптов.

– Трудно даже представить, чтобы мы делали без вас, – сказала Зети. – Вы наш добрый ангел.

Профессор заулыбался.

– Знали бы они, как много я много я имел дел с поддонками, то, наверное, они бежали без оглядки... Кстати, что у вас за проблемы с этими типами?

– Ничего, просто мы спрятались на крыше, – я смотрел в горизонт. – Они требовали спуститься, а потом начали вырезать сваркой люк на крышу...

Старик не слушал меня. Вместо этого он прикрыл глаза.

– Надо было отдать бабу, побаловались и отпустили бы, – старик чихнул.

– Что? – возмущенно воскликнула Зети, и плотно сжав губы процедила. – Ваши манеры опережают ваш язык на полкорпуса.

Старик развел руками. А потом уставился на меня своими хрустальными глазами.

– Мне нужно сделать небольшую операцию.

– Операцию, – поразился я. Оглянулся. Вокруг ни души.

Зети и Фью стояли в тени машины.

Старик пошел к машине. Он достал и расстелил на земле клеенку. Рядом он разложил какие-то инструменты – ножницы, скальпель, нитка с иглой. И сам сел на нее сверху.

– Дамы отвернитесь, – велел профессор. Девочек не пришлось долго уговаривать.

Старик повозил пятой точкой по клеенке.

А потом отогнул свою рубашку. Живот красный и опухший. В районе пресса торчала шишка. Она явно выделялась.

– Что это, волынка меня разрази, – вскричал я.

– Манакский червь. Держи, – профессор протянул мне скальпель.

– Что? О нет, я не притронусь, – вскричал я.

– Слушай гад ты эдакий, если ты мне сейчас не вырежешь эту тварь, я подохну. Ты понимаешь. А если я подохну, то наши добрые друзья нас догонят.

Профессор кивнул в сторону горизонта.

Я взял скальпель.

– Возьми бутылку и вымой руки в спирте, потом одень перчатки, – сказал профессор.

– Пожалуйста, может вы сами, – заскулил я. – Как вы это подцепили?

– Я сам ее внедрил.

– Что?

– Мне 70 лет, я не смог бы проехать и тысячи миль, – объяснил старик. Эта тварь – паразит, внедряясь в тело человека, дает ему силы и молодость, так сказать. Но не бесплатно. Если ее вовремя не убрать, можно подохнуть. Он как раз созрел.

Я взял в руки скальпель. И поднес к телу. А потом отстранил.

– Она большая, – сказал я.

– Конечно большая, она выделяет столько гормонов, что я могу обрюхатить сотню баб, и твою даже.

– Я не его, – крикнула Зети. – А вы обрюхатьте лучше вашу бабушку.

– А если она на меня нападет?

– Не нападет, – заверил старик. – Хотя нет. Может. Но тебе надо ее затоптать.

Я с сомнением посмотрел на свои порванные кроссовки. Из дырки торчал большой палец.

Я поднес скальпель и увидев, что шишка начала шевелиться с криком отшатнулся.

– Чпок, – спокойный голос Зети, отрезвил меня. – Они едут. Придется тебе зарезать этого уважаемого дона и самому сесть за баранку.

Я взглянул на горизонт. И уверенно подступил к старику.

– Втыкай, – сказал он. – И наследуй.

Старик засмеялся.

Выдохнув, я деревянной рукой совершил тычок. Скальпель вошел в тугую плоть.

Старик закричал нечеловеческим криком. Раздался девичий писк.

– Вот дуры, я сказал не смотреть, – закричал старик. – Режь, дальше.

Я не заметил, что тоже присоединился к всеобщему ору. И начал опускать лезвие ближе к телу. Из раны начала сочиться что-то похожее на кровь. Но оно больше напоминало желатин. А потом что-то огромное с обилием ножек и белое вырвалось на свободу.

Увидев червя, старик заорал еще больше, а я не придумал ничего лучше, чем пнуть его левой ногой. Червяк возвысился из раны и закачался.

– Бей, бей суку, – закричал старик.

Я ударил еще раз. И почувствовал, что-то мягкое легло под носок. Словно бы я бил по воротам. Червяк полетел и упал на землю. Он ошарашенно упал в траву, а потом приподнялся, раскрывая черные шипы. Они придавали ему поистине грозный вид.

Щенок устремился на него, грозно таякая. Но когда червяк раскрыл пасть, поневоле отшатнулся.

– Тьфу, не подходи, – крикнула Зети. – Тьфу.

Червяк повернулся в сторону девушку и запищал. Он издавал самый отвратительный звук в моей жизни. Я почувствовал рвотный рефлекс.

– Пошла в жопу тварь, – закричала Фью. Конечно, из ее уст это звучало особенно умирительно.

– Не отвлекайся, очисти рукой, все, что там есть, потом лей спирт, – закричал старик.

Я повиновался. И старался не поглядывать в сторону червя, что фыркал и плевался.

– Я смотрю, – успокоил меня старик, нацелив на червяка автомат. – А теперь зашивай.

Я начал зашивать, протыкая плоть легко, без единого сопротивления. Слизь сочилась между пальцами. А старик, выпучив глаза, пытался удерживать автомат. Я не успел сделать даже первый стежок, Зети заменила меня. А я начал блевать на сырую землю.

Щенок и профессор сдружились. На каждом привале, он располагался неизменно у его ног. А вот Фью переносила дорогу стойко. Каштановые волосы ее прилипали к розовым щечкам. Она спала, периодически ее тошнило, а потом она снова засыпала. И на привалах она оживала, гонялась за сверчками, кушала, набив полные щеки.

– Неужели они не успокоятся? – сказал я, когда мы основа остановились, разглядывая распростертая желтую долину и облачко пыли на горизонте.

– Я ошибся, я пристрелил Мандра, подумав, что он вожак, – сказал профессор. – Но на самом деле вожаком был мужчина в камуфляже, что стоял сзади Мандра.

– Это который дал вам прикурить ваш динамит? – хмыкнул я.

– Его, по-моему, называли Бригадиром. Да, в том-то и дело, что теперь для вожака наказывать нас – это дело чести. Иначе люди начнут роптать. Скорее всего, он принял решение устроить за нами погоню в первый раз. Если банда это оскорбление проглотит, тем более от старика,

женщины и какого-то лузера, то Бригадир будет обречен в глазах своей стаи. Рано или поздно на одном из привалов ему всадят перо в брюхо.

– Вы пытаетесь их оправдать? – спросила Зети.

– Но почему, же я понимаю, что, например, для их лидера это было унижительно, и он хочет оправдаться людьми.

– А может быть, подложим мину? – предложил я. – Будут здесь проезжать и взорвутся.

– Что? Что ты сказал, – изумился старик.

– Ну, я имел в виду, подложить... мину.

– Мину, – знаешь, что сделай. Возьми прямо здесь и наделай кучу. Это и будет твоя мина.

Мину, тоже мне умник нашелся, – проворчал старик.

Он оглянулся, а потом сплюнул и растер плевок ногой.

– Поезжай за рулем, я устал.

Гора казалась синей дымкой, а потом начала обрисовывать свои контуры, которая щеко-тала облака.

– Самая высокая точка пустоши, – резюмировал профессор, потом он почесал бороду. – Это ее середина.

Щенок, тяжело дыша, получил свою порцию ласк на руках у старика. А потом он слегка заскулил. Старик положил ему руку и сдвинул ему морду.

– Простите, что вы делаете? – старик и не думал меня слышать. Раздался храп.

Тем временем щенок смотрел на меня жалостливо сквозь узловатые пальцы.

– Так тебе и надо морда корявая, – сказал я, злорадно ухмыляясь, продолжая рулить автомобилем.

– Почему ты смеешься? Не видишь, он мучается, – Зети возникла из-за спины. – Что я должен сделать?

– Вытащи щенка.

– Я не буду этим заниматься, я рулю, – чуть не закричал я.

Тем временем дела Шопика становились плохи. Старик обнял его и скрутился на кресле, которое почувствовав, что он спит, тут же опустилось. Щенок начал поскуливать, оказавшись под головой у профессора.

– Попробуйте вытащить его сами, – сказал я. – Я лично пас.

– Шопик, он его убьет, гадкий старик, – воскликнула Фью.

Фью и Зети попытались его вытащить из оков, держа за лапки. Я одним глазом старался не упустить это зрелище.

– Это все плохо кончится, плюньте на этого пса, – сказал я.

Фью, конечно же, показала мне язык. Вскоре пса действительно удалось наполовину извлечь из железных объятий старика. Но он сопротивлялся. Щенок в качестве подушки явно устраивал профессора.

Он возмущенно проснулся и потянул тварь к себе. При этом глаза его осоловели от гнева. Щенок заскулил. А девочки запищали. А потом раздался удар. Меня тряхнуло об руль, что есть силы. Подушки безопасности надулись мгновенно.

– Приехали, – возмущенно орал профессор. – Что ты должен был делать? Отвечай что?

– Смотреть на дорогу и рулить, – я чесал голову.

– А ты? Что ты делал.

– Эти дуры спасали пса, вы его положили под голову.

– Да хрен с ней с этой собакой. Нас сейчас догонят. Они вооружены до зубов. А у нас только один автомат и дети. Что я должен делать? Я не отошел от операции.

Старик раздраженно покачал головой. Щенок вилял хвостом, и вежливо кивал, пока его новый хозяин произносил тираду.

– Ну, скажи молокосос, объясни ради всего святого, здесь огромная пустыня вокруг, и как ты нашел камень? Как ты мог найти этот камень? Он ведь даже не на дороге.

– Я понятия не имею босс.

– Какой я тебе босс, дурачок.

Профессор сел за руль и чертыхаясь, завел. Машина, увы, ехала с большой неохотой. Что-то внутри нее урчало, а скорость падала.

– Это конец – ни хрена она не едет, давление на нуле, – устало изрек профессор. – Я ведь только хотел поспать чуть-чуть.

– Это вы виноваты, – буркнул я.

– Что?

– Не нужно было ехать в ту сторону, где мародеры.

Старик раскрыл глаза и пожал плечами.

– Что ты сказал?

– Я вам говорил.

Профессор выпучил глаза, поражаясь моей наглости. А потом взорвался.

– А ну пошел вон. Вон я сказал.

Машина остановилась, и профессор начал тычками выгонять меня из машины. На этот раз я молчал и покорно принимал затрешины. Голова загудела. Защищаясь, я прикрывлся окладом автомата. Старик, пытаясь, ударить угодил рукой в автомат и завопил. На этот я услышал еще более смачные ругательства.

– Видишь Сильда, я говорил тебе, не бери этого мудака и его пса, – старик, брызжа пеной, повернулся в сторону Зети.

– Я не Сильда. Вам мерещиться.

– Как не Сильда? – удивился старик.

Зети зарделась. Профессор уставился на нее.

– Я не Сильда, – возразила более мягко Зети.

А потом, словно бы пытаясь отвлечь внимание, она кивнула на дорогу.

– Там кто-то скачет.

А впереди скакал всадник. Он поднял руку, когда мы поравнялись с ним. Мы остановились. Он приблизился. Профессор опустил окно.

– Туда нельзя – сказал всадник. Пожилой. Борозды морщин пролегали каньонами на загорелом лице. Длинная черная куртка и шапочка танкиста.

– Что?

Всадник опустил голову и повторил.

– А почему? – раздраженно спросил профессор, потирая руку.

– Скажем так – там мало хорошего, – тихие слова слышались очень хорошо, точно ветер повторял.

– Вот оно что, – протянул старик. – Тогда вот вам ответная любезность. У нас на хвосте мародеры. Мы их разозлили. И вам тоже лучше отсюда свалить.

Всадник резко выпрямился и уставился на горизонт. А потом, кивнув, припустил вперед. Он мчался в горизонт, и лишь копыта выбивали комья земли.

Профессор крякнул и взглянул на горизонт. Пыль росла, и становилось все больше и больше. Наша машина по-прежнему ехала в сторону горы, но все медленнее и медленнее. Теперь казалось, что гора не приближается.

– Их уже видно, – сказала Зети.

Лоб ее поморщился. Тревога росла все больше и больше.

– Может быть, мы выйдем и побежим, – предложил я. – Скроемся в подножье горы. Там вроде лес.

– Это не поможет, не успеете, – отвечивал старик. – Слишком быстро едут.

А потом он заглушил мотор.

– Что вы собираетесь делать.

– У нас есть только одно преимущество, – сказал старик. – Мы знаем, что там за горой, а они нет.

– Но мы же не сможем ехать.

– Сломался генератор водорода, – сказал старик. – Пока они подъедут, мы успеем накопить горючего.

– Но его все равно будет немного.

Старик глубоко вдохнул.

– Да, вообще-то.

Нам осталось только слушать ветер. Он тянул травинки, мириады воинов пустоши к земле.

Старик закурил сигарету и искоса смотрел на приближающую армаду.

– Вам автомат нужен? – спросил я.

Профессор поднял очки и взглянул на меня. Стекла блеснули.

– Себе оставь боец, – он с наслаждением затынулся. Так поступают осужденные на смерть.

– Они уже совсем близко, – медленно произнесла Зети.

Губы ее побледнели. Она судорожно сжимала малышку. Пес, взглянув назад твякнул. Но сделал это как-то похоронно, виляя хвостиком.

– Я должен тебе кое в чем признаться, – сказал, глубоко вздохнув.

– В чем.

– Я... – судорожно вздохнув, сжал автомат. Глаза Зети расширились до размеров целой Вселенной. Полный паралич.

– Ну.

За ее плечами росла буря. Вот уже блеснули позади окна. Мародеры преследовали нас как буря, как злой рок. В этой колонне чувствовалось дыхание смерти. Внутри у меня все оборвалось.

Вдруг в машину прыгнул старик, отчего она слегка вздрогнула.

– Ну что вроде горючее есть на рывок, – сказал он. И включил мотор. Не завелось.

– Эх ты, стерва, шлюха подзаборная заводишь я сказал, мразь, – старик из всех сил ударил по панели.

И машина завелась.

– Молодец милашка, а теперь давай не подведи голубка, всего чуть-чуть, я тебя потом не побеспокою, больше. Никогда. Больше.

Старик жал на педаль. Все за окном завертелось в какой-то дикий ураган. Все замелькало. И меня отбросило в кресло. Наши преследователи сразу же отстали. Но мгновение спустя головной белый автомобиль, начал рывками вырываться вперед. Он летел почти с такой же скоростью, как и наш внедорожник. Словно торпеда, разрывающая пылевой налет пустоши, копившийся на дороге веками.

– А, – старик закричал. – Молодца! Сучка!

Я ласкал автомат, а потом увидел как из машины, преследующей нас, вылез слегка мужчина и начал целиться из автомата. Все это, казалось, снималось в замедленной съемке.

– Нагнись, – крик пронзил машину.

Профессор еле дернулся, но продолжи рулить. Зети и малышка упали на пол, Я сполз еще ниже вместе с автоматом. А потом в салон брызнули стекла. Переднее стекло покрылось дырами от пуль.

Фью запищала, отчего в ушах у меня заложила. А щенок залаял, едва она затихла.

Ни один мускул не дрогнул на лице у старика. Он лишь прогундосил.

– Ты куда спрятался, стреляй сучонок.

Я с превеликим трудом поднял автомат, чувствуя его стальную тяжесть.

– Огонь, – закричал под нос старик.

Я судорожно пытался нажать на крючок. Но он никак не поддавался.

– Не стреляет.

– Сними с предохранителя, – заорал старик, зло обернувшись.

Сжал зубы, и попытался найти. Но не смог. Пока старик не щелкнул сам. А потом автомат зажил своей жизнью в моих руках. Грохот оглушил меня.

Машина, преследующая нас, засверкала белизной лобового стекла, покрывшегося точками.

– Молодец, – крикнул старик. Сквозь звон в ушах. И плач малышки на полу. И тьяканье щенка. Все это превратилось в одну звуковую линию, которая заставила внутри все обрываться.

А потом все замелькало перед нами. Вот подножье гигантской горы. Сосновые и березовые чащи и скальные нагромождения. И серые скалы, восходящие к темно-синему небу.

Промелькнула огромная скала в пятиэтажный дом, крутая словно трамплин. А за ним раскинулась все та же освещенная, заходящим солнцем, пустошь. И река. И огромные ропты. Сразу трое. Один сидел, глядя на реку. Другой – спускался с горы. А третий шел из леса. Чудовища увидели нашу машину почти одновременно. Наш водородный автомобиль не издавал много шума. Казалось, мы их поразили. Их охватил ступор. Так может обрадоваться подарку на день рождения какой-нибудь ребенок. А потом они побежали с двух сторон к нашему авто.

Огромный черный ропт он бежал, широко расставляя ноги. Огромные конечности впились в землю, сминая траву в труху и в этом беге было больше смерти, чем на кладбище. В этом беге было столько злости, что его хватило бы уничтожить мир. И как в таком красивом месте, среди горы и зеленых трав могло быть такое порождение зла. Я закрыл глаза, чтобы не видеть это неумолимое приближение ненависти и упрямство. Сердце мое сжалось в горошину, но я смотрел не на себя, а на девочку, чьи глаза распахнулись широко. Впрочем, Зети тут же ее закрыла. Фигура ропта приблизилось совсем близко. Вот и теперь оно заняло весь небосвод.

– Нет! – закричал я. – Отстань. Пошел нахер.

Я нажал на курок автомата. Он отозвался пустым щелчком.

А потом... ропт начал уменьшаться. Машина взревела, отдавая последние соки водородного топлива, и мы унеслись в сторону пустоши.

Я слышал шум травы, которая билась на днище авто. Он ласкал душу, потому он означал, что автомобиль летел. На самых быстрых оборотах.

– Давай милашка, – заорал профессор. – Еще чуть-чуть.

На его лбу заблестел пот.

– Что там? – спросила Зети. – Они.

Я не мог ответить, потому что дыхание у меня сперло. То, что я увидел устрашало до ужаса. Один из роптов, тот, что вышел из леса, замахал бугристыми ногами, пытаясь нас догнать. Руки его почти доставали до земли. Так быстро они бежали. Консервная банка с вкусами на полном ходу уезжает от них. Из-за поворота выскочила та самая белая машина – электрокар-внедорожник. Очень быстро и почти сразу затормозила, очутившись в пыли.

Но теперь ропты бежали туда в это облако оседающей пыли. Тот самый ропт, оказавшийся ближе к дороге, поймал его, прыгнув сверху, точно кот на мышь.

Лобовое стекло померкло. Ропт перевернувшись с машиной, несколько раз оторвал крышку и запустил руку внутрь. И быстро-быстро начал класть содержимое внутрь пасти.

А потом из-за поворота появились другие машины. Кто-то пытался развернуться, кто-то остановился. Но в этом облаке уже неистовствовали ропты. Из лесу появилось еще двое.

Но мы уже ехали далеко. Сделав полный оборот, мы обогнули гору – одиноко, возвышающуюся в пустоши. Все остальное скрылась вдали. И теперь нет ничего рядом с нами, что придавало жизни устрашающий смысл. Ни зла, ни ненависти, ни смерти. А только зеленая трава, воздух, пьянящий своим потаенным шлейфом и солнце, трогающая кожу аккуратно точно вытирающая ее до бронзового блеска.

Вскоре топливо кончилось, и машина начала ехать урывками, чихая. Монстров и их пиршество скрыла высокая трава у реки.

Глава 7

Профессор остановился на опушке и загнал еле дергающий автомобиль в заросли кустарника. А потом наш отряд устремился вверх – на гору. Тропа пролегла вдоль зарослей пахучих трав. Каждую хотелось нюхать до умопомрачения. Хотелось трогать камни, ласкать сухую пыль и пить капли влаги на бутонах растений. Я наслаждался подъемом. И когда у старика начали трястись колени, он остановился. Все продолжали молчать, глубоко вдыхая воздух. Только сейчас я заметил, что в руках у Фью держала кучу цветов. Она прижимала их к груди только сильно, словно свою жизнь.

Где-то вдали видны очертания алого горизонта, который немного плясал от теплого ветра. Круглая луна повисла над пустошью. Я смотрел на нее заворожено. Это похоже на танец самой природы.

Когда внизу развезлась вся головокружительная низина пустоши тропинка вышла на широкое ложе. Там и обосновались, потому что понимали, что дальше идти не сможем.

Во время ужина старик, вытянув ноги, улыбался, вгрызаясь в кукурузу. Я тоже ел, но на самом деле я смотрел на лицо Зети. Тонкие губы и чуть припухлые щеки. Когда она улыбается, обнажая жемчужные зубы, и смотрит, источая умиротворения, я понимаю, что она повзрослела.

Шопик взобрался на валун и начал было скулить, вытянув морду, на голубую луну. А потом внезапно взял высокую ноту, взвизгнув от удара прилетевшей кроссовкой. Профессор захохотал, вытянув босую ногу.

– Идиот, хорош, скулить, привлечешь внимание, – зашептал он грозно на пса.

– Прекращай мучать мою собаку, она просто хочет петь, – возмутилась Фью, наскакивая на профессора, грозно раздувая ноздри.

Вдруг где-то внизу раздался шелест. Мы затаились, а Фью нырнула в объятия старика, пытаясь забраться в подмышку.

– Добрый вечер, – голос как у оперного певца. Профессор вздрогнул. Из темноты появился силуэт. Мужчина с выжженным солнцем лицом. Глубокие морщины и черные усы. В руке он держал изогнутый посох.

– Вам удалось спастись, – молвил он

– Присаживайтесь, прошу, – чинно изрек профессор. – Утощайтесь кукурузой. Спасибо, что предупредили, что за горой ропты.

Малышка спряталась за спиной Зети, чтобы не смотреть на пастуха. На его грозное черное лицо, испещренное бесчисленными каньонами. И прозрачные серые глаза.

– Не опасно здесь? – я добил початок и бросил его на землю.

– Нет, эти ребята не забираются на гору, – сказал пастух. – Они там охотятся – внизу. Пришли недавно. Я думаю, скоро уйдут.

– Вы шли за нами? – продолжил я.

Пастух усмехнулся.

– Я нашел вашу машину в лесу. И понял, что вы пошли наверх. Довольно опасная парковка, учитывая, что с другой стороны горы обосновались ропты.

– А вообще красивые у вас края, – заметил старик.

– Я все про них знаю не только вширь, но и глубь – я историк.

– А я физик, – отвечал профессор.

Оба старика вздохнули.

– Не забудьте, как вас зовут...

– Хаску, – подсказал профессор истории.

В конечном итоге оба старика разговорились. Тонкая красная линия разговора понеслась вдоль философии, этики, теологии, эволюции.

– Всех выровняли под одну гребенку – уничтожили культуры и языки – возмущенно вопрошал профессор. – Вот я не знаю кто я по нации. И что должен говорить сыну?

– Мировое правительство пало, – попытался я его урезонить и вставить свои пять копеек. – Мир одичал и можно на ней все выстроить с нуля.

– Ни хрена ты не понимаешь, – закричал старик. – Что ты выстроишь дурья твоя башка, ты стерилен. Уж лучше тебя сожрали паразит ты хренов. Согласен со мной? Или пешком пойдешь.

– Согласен.

– Вот видишь, он согласен, – торжествующе заметил профессор.

– Ближе к делу дорогой друг, вы согласны меняться, – спросил профессор.

Пастух кивнул.

– Ваша машина на двух лошадей.

– Трех.

Пастух кивнул.

– Трех плюс ваш автомат. Решено я приведу их вам на рассвете. Вам лучше до рассвета в сумерках спуститься с горы. Ропты будут спать.

Он раскланялся и пожав каждому из нас руку, и чмокнув Фью, ушел.

– Простите, я правильно понял, вы отдаете пастуху машину и оружие в обмен на трех лошадей, – спросил я.

– Конечно.

– Но простите, а как мы сможем пересечь пустыню?

Профессор наклонился.

– Почини машину, будь добр и поедем.

– Но вы же можете починить.

– Могу, но не пальцем, – устало согласился он. – И вообще, я тебя брать не обязан. Захочу тебя тоже в сделку включить. В качестве оплаты четвертую лошадь.

– Ой, надоели ругаться, заткнитесь, – прокричала Фью и, обратившись ко мне добавила. – Ты тупой, что ли тебе говорят заткнись, значит заткнись. Мы хотим спать с тетей Зи, а вы нам мешаете.

Мы с профессором удивленно уставились на малышку.

– Будущий командор – это девочка, – цокнул языком профессор.

Обмен состоялся на опушке плеса, когда солнце уже поднялось. Пастух пришел с лошадьми. Они вызвали огромный восторг у малышки. И вместе с тем неподдельный страх. Смирные животные фыркали, кивали головой, шкура их блестела на солнце маслом.

– Вы не пропадете с этими лошадьми, они чувствуют монстров и не дадут приблизиться, – сказал он. – Меня и мою семью много раз спасали. А вот вам мешок. Здесь сушеное мясо, картошка, крупы.

Пастух похлопал лошадь по крупу. При свете дня он еще раз осмотрел сгоревший двигатель джипа профессора и с благодарностью взял ключ.

– Запчасти возле горы должны быть, – заметил профессор. – Соберете, когда ропты уйдут и почините.

Пастух кивнул. На прощание он посмотрел на меня.

– Ты помнишь своих родителей

– Да.

– Помни всегда. А невеста у тебя красивая.

– Она еще, – я запнулся и посмотрел на девушку, сидевшую верхом. Фью она посадила перед собой. Старик взобрался на свою лошадь с огромным трудом. Я вскарабкался на лошадь еле как. Она наострила уши в мою сторону.

– Ну что же теперь точно по коням, – вскрикнул профессор. Его лошадь фыркнула и развернулась точно юла.

– Мы идем искать мою маму, – крикнула Фью.

– И моего сына, – добавил старик.

И, конечно же, оба ускакали вперед. Один я остался стоять. Пастух, напевая песню, ковылялся в капоте своего авто. Я подозвал его.

– Э, ты чего, – спросил историк. – Ты о чем думаешь. Поезжай.

– Я не знаю как.

К моему великому неудовольствию ни старик, ни девушка не думали развернуться. Я же прыгал на спине лошади, но безрезультатно.

– Может помочь? – спросил пастух.

– Если вы будете так любезны. Премного благодарен. Не извольте беспокоиться. А-а-а.

Пастух осадил ее кнутом. И лошадь двинулась вперед в сторону горизонта.

– В общем, я окончил академию командоров, – сказал профессор. – Было это в... ммм... ну не важно. Поступить было тяжело.

Профессор сплюнул, харкнул и осмотрелся по сторонам. Он понял, что его слушали затаив дыхание. И с удовлетворением продолжил.

– Вы, наверное, не знаете про командоров. Вас тогда отродясь не было.

– Это военная каста, которая создала мировой диктат, – я медленно подбирал слова. – Вы построили крупные города.

– Да ни хрена вы не знаете. Мы пришли к власти, чтобы обуздать корпорации. Войны, экология, власть СМИ, эти прохиндеи долго баловались властью и шлюхами. Так не должно было долго продолжаться. И тогда пришли к власти мы, значит после мировой войны. Я значит был третьим поколением командоров. Но фокус в чем? Фокус в том, что мы...

– Тетя Зи, а что такое шлюхи, – спросила Фью.

– Это такие женщины, которые плохо себя ведут, – отвечала покрасневшая Зети. – Они не слушались в детстве маму. А повзрослев, перестали прислушиваться к своему вкусу.

– Ну почему не всегда, – заметил профессор. – Ну, так, а чем я, Так вот мы придумали социальный лифт. Вся планета была поделена на сотни тысяч дистриктов. Каждым правил командор. Стать командором мог любой человек, который поступит в академию и сдаст экзамен на интеллект, ну и физическое развитие.

– Это настоящий феодализм, – заметил я.

– Не ну почему, – возмутился профессор, почесывая бороду. – По наследству власть мы не передавали. Мы давали клятву, что посвятим себя всего развитию экологии, науки и любви.

– А моя мама хвалила интеллектуализм, и папа тоже, – добавила Зети, приглаживая волосы.

– Но вы же пользовались почетом и ресурсами, – возмутился я, ухватившись за голову. – Вы нарушали рыночные принципы развития, эту... свободу самовыражения.

– О Святой павиан, ты видишь Сильда, как промыли капиталисты голову этому юному дармоеду? Первым делом, когда канцлер Эрман Дакоте пришел к власти он сразу же устроил тиранию и гонения. Да что вам говорить?

Профессор сплюнул и замолчал.

– Вы рассказывали, как вы поступали, – подсказала Зети.

– А ну, да, так вот, экзамен был тяжелый, я к нему готовился. Чтобы получить допуск, нужно было сдать интеллектуальный экзамен – я оказался в числе 200 самых умных молодых

людей планеты. А потом нас забросили на болото. Туман стоит. Бегу в глухой топи. Где-то стрекочут птицы. Сапоги утопают в грязи. Все что у меня было – это бумажная карта. Не навигатор, а всего лишь бумажная карта. Вонючая и старая. И если на минуту, если на секунду увидеть какие это были ребята и девчата, то оторопь берет. Какие все-таки это были люди. Не чета нынешним. Глыбы, совершенные люди. Мышца к мышце, с каждого лепи статую, а смелые какие. Так ведь дети с детства мечтали стать командорами. Мы грезили этим, но достичь было не всем. Я из школьных годов почти не помню – только просыпаюсь и иду на пробежку. Вот ведь как.

Во время поступления, правила простые – первая десятка, которая придет к пункту эвакуации та и прошла экзамены. Вот как!

Мне предстояло бежать 75 миль по этим топям.

Одели меня в камуфляж и автомат с электродротиками. Автомат был удивительно легкий. Не настоящий, конечно. Но к стрельбе был готов. Вообще, чтобы даже просто попасть в число допущенных, нужно было иметь башку с рабочими извилинами. По сути, допускали только гениев. Я себя таким не считаю, но в моем дистрикте, где я родился меня, готовили все земляки. Меня буквально носили на руках. Толпы журналистов провожали на экзамен. Да было времечко!

В общем, бегу по топям. Сердце стучит, а я даже не вспотел, так хорошо был готов. По правилам все конкурсанты могут друг в друга стрелять по истечении восьми часов испытания. Поэтому все просто разбежались друг от друга. Где-то ближе к вечеру вдруг слышу крик. Девушка звала о помощи. Легкий, такой и призрачный, призыв словно повис в воздухе. Осторожно ступая по болотным кочкам, побежал в сторону камыша. С другой стороны я видел, что автоматы включатся только через полчаса. Поэтому ничем не рисковал.

И вот это уже слышу не стон, а крик отчаяния, – профессор замолчал, перебирая песок между пальцев. – Не знаю, почему, но когда готовишься к главному испытанию своей жизни, на девушек времени нет. А тут как будто прорвало. Я словно бы там стал человеком. Обычным, не бездушной машиной, которая идет к цели.

Меньше всего ожидал увидеть красивую девушку. Но она была на самом деле красивой. Как я это понял? У нее были огромные глаза. И точеная фигурка. Две черные полосы под глубокими черными глазами. Выражение страдания на лице. Девушка была покрыта грязью – мягкой серой массой. И в этой грязи она выглядела как царица. Тысяча гамадрил меня раздери. На поверхности она удерживалась лишь благодаря маленькой ветке камыша, которую успела ухватить.

Кричу, что достану ее. Кинул ей ветку. Вытащил ее из грязи. А она смотрит на меня, так что у меня жжение в груди.

Это потом я уже узнал, что девушка оказывается графиня, что ее роду более семьсот лет. Семейные замки и все дела. Вот только дела стали плохи, отец промотал состояние. Единственный шанс все вернуть это стать командором. А тогда она просто предложила идти дальше вместе.

Честно говоря, на этот счет у меня инструкция. В дистрикте при подготовке стратегии, мне порекомендовали не вступать в альянсы. Дело в том, что шансов оказаться в десятке из двухсот очень малы. И поэтому члены альянсы должны будут поднять друг на друга оружие.

Я смотрю на нее и как лопух говорю, почему бы и нет. Но только ты пойдешь вперед. А она говорит, если ты мне доверишься, то мы придем первыми. Говорит, вычислила, что у озера есть перешеек ровно посередине. Она долго изучала карту. Она заметила, что озеро имеет небольшие мысы, и они словно тянутся друг к другу. Это что-то вроде естественного перехода. Если бы удалось его найти, то победа не заставит себя долго ждать.

Ну, я и лопух, возьми и согласись. Зацепила она меня, я поверил ей целиком. Было в ее словах, что-то заворачивающее, после чего невозможно было ей противоречить. Идем вдоль

берега. Ноги стали мокрыми насквозь, водоотводящие носки истерлись в прах. Идти пришлось довольно долго, через туманную дымку, сквозь сырость и промозглый холод. Проваливаемся по пояс в грязи, выползаем и снова едем. В какой-то момент потеряли счет времени. Мышцы свело судорогой.

Вдруг вижу впереди на том самом выступе на карте два охранника. Это были «охотники». Как правило, их брали из студентов третьего курса. Стоят и даже не чувствуют подвоха. Здоровые и крепкие гиббоны. Девушка оказалась не промах. Сняла своего прямо в шею. Я попал в незащищенную кисть руки.

Пробежали мимо тел. Они дрожат в судорогах. Подошли ближе к воде. Тупик. А девушка просто побежала прямо по воде. Оказывается, есть брод, хотя и скрыт под водной гладью.

Как сейчас помню эту картину. Мы бежим по воде. Вокруг туман. Вода хлопает, а передо мной самая красивая девушка в обтягивающих брючках, в хаки. И мы бежим, и усталости нет. Уже и не понимаю, зачем я бегу. Для чего куда?

А потом Сильда остановилась. Там говорит впереди, крокодилы!

А потом я тоже увидел крокодилов. Итить их макаки! Прямо перед нами лежат на отмели и загорают. Один из них спустился на воду и начал погружаться в воду. Но подплыть исподтишка у него не получилось. Мы были на мелководье. И вот плывет эта зараза – огромная тень под водой в нашу сторону.

И когда он подплыл ближе. Я начал стрелять из него из автомата. Но дротики со снотворным до него не долетают. Для него это как мертвому припарка. Ну, все думаю конец. Приплыли. Я предлагаю, Сильде бежать, а сам готов вышел вперед.

И что делает моя спутница. Она меня оттолкнула. Достает из-за пояса настоящий боевой пистолет. Как сейчас помню белую сталь, на которой отражался туман. И прищурила один свой прекрасный глаз, и грохот затем на все озеро. Брызги во все стороны. Бум! Бум! Бум! Я оглох. А рептилия вдруг замерла, а потом на тебе. Всплыла в луже крови. Но этой даме все мало. Она потом расстреляла тех тварей, что сидели на островке. Экономно – по две пули на каждую рептилию. Потом мне говорит, ты, что замер как истукан побежали.

А разве можно говорю настоящий пистолет. Нельзя говорит, но никто не узнает, тем более что магазин кончился. И выбросила пистолет в воду. А я говорю: «Ты что дура, а если еще крокодилы появятся». А она такая: «А ты, мол, на что. Пожертвуешь собой, ты же хотел».

Я позже понял этих раненых крокодилов. Эти несчастные твари так сильно открывали пасти в смертных муках, но не понимали, что происходит. Один начал вертеться волчком, для него патронов не хватило.

А потом стемнело. И мы бежали по освещенной лунной дорожке. Можешь себе это представить. И тогда она ко мне прильнула. Говорит, давай держаться друг за друга, если выпадем с брода. Так и бежали. Как же она пахла. И не было ни усталости, ни страха, ни тревог. Да к вонючим мартышкам сам экзамен. В руках у меня сама мечта.

Ближе к берегу брод пропал, и мы поплыли. И туман рассеялся. А на берегу куча охотников. И все всполошившиеся. И злые. Видимо уже готовятся нас встретить в засаде. Плыдем, а в нас летят эти дротики. Ну, мы и давай нырять. Только нырнул, а над тобой уже куча брызг. И летят эти дротики сквозь воду. А ты всплывай в другом месте. Берешь воздух, и тут же обратно. Мечемся с Сильдой и стараемся отплыть подальше. Под водой стало понятно, что брод этот был когда-то мостом затонувшим. А в том месте он был разрушен окончательно.

Отплыли подальше и советуемся с девушкой, что делать. Выйти на берег невозможно. Отступить тоже.

Плыдем в воде и ждем, а если бы крокодилы появились, то точно конец. Девушка на меня даже не смотрит. Глаза горят ненавистью. Понятно, что у нее дикое желание их убить.

И тут слышим крики, переговоры по радиации. Это подоспели лидеры головной группы, что обходили болота по периметру. Это настоящие машины – бойцы крепкие. Завязался крепкий

бой. Их было всего несколько ребят – и они смяли отряд охотников. Мы начали подплывать. Никакой реакции, никто нас огнем из дротиков не встречал.

Когда подошли то увидели подрагивающие тела, утыканные на манер морских ежей. Стало понятно, что та группа теперь нас опережает. А до финиша еще 15 миль. Дальше мы бежали молча. Одна надежда, что мы попадем в десятку лучших. Я и говорю, ей успокаиваю, мол не переживай, мы точно в десятке.

Подходим к финишу, а это такие пластиковые яркие ворота. Рядом куча журналистов и болельщиков. Дроны летают и аэростаты. В какой-то момент я ее опередил, хотя не пытался. Она сама отстала. Я оборачиваюсь и вдруг чувствую, что перед глазами все померкло. Она стрельнула мне в ногу.

Ногу охватили судороги. Я упал. И закричал от боли. Сильда, девушка которую я спас пробежала раньше меня.

Я полз через силу, все вокруг кричали. И уже на финише я полз и смотрел в глаза девушке. А она стояла и смотрела. И даже руки так и не подала. Переполз через линию и отключился. Выяснилось, что я финишировал десятым. И тоже, поступил в академию.

– Вы окончили академию командоров, – восхищенно отозвалась Зети, – Какая восхитительная жизнь. Вы рано познали славу, увидели весь мир и положили его к своим крепким ногам. Вы... рыцарь современности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.